

1993

IB
C
T
P
C
L
N

George V. Zorin
5500 Friendship Blvd., Apt. 1114 N
Chevy Chase, Maryland 20815

ВСТРЕЧИ

**АЛЬМАНАХ
ЕЖЕГОДНИК**

1993

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Обложка Владимира ШАТАЛОВА

Редактор Валентина СИНКЕВИЧ

Редакционная коллегия:

**Ренэ ГЕРРА, Вадим КРЕЙД,
Михаил КРЕПС, Рина ЛЕВИНЗОН,
Анатолий ЛИБЕРМАН, Владимир ОДИНОКОВ,
Александр РЯЗАНОВСКИЙ, Владимир ШАТАЛОВ**

ENCOUNTERS
7738 Woodbine Avenue
Philadelphia, PA 19151
U.S.A.

Library of Congress Catalog Card No. 84 - 645937
ISSN: 0888 - 5257

В НОМЕРЕ

П О Э З И Я

Валерий Перелешин /об авторе/	5
Камень. Гость. Суд нестрашный. Злорадство	8
Ирина Бушман — Раздробленный сонет	11
Дмитрий Бобышев — Прощай и здравствуй. Универси- тетская богиня	12
Иван Буркин — Утренний монолог. Я просыпаюсь... Стихотворение. В ночные часы.	16
Олег Ильинский — Летний сезон. Облик. Улыбки. Вечер- ний свет. С балкона	21
Рина Левинзон — Возвращение. Анна Франк. Болезнь отца. "Я провожу..." "Я отца хоронила..." "Как давно..." Читая Книгу Иова. "Просеивать просо..."	25
Вадим Крейд — Айовский диптих.	29
Лия Владимирова — Воспоминание. "И в чем..." "Льется исповедь..." "Подари ты мне..."	33
Павел Бабиц — Корнет Оболенский. Памяти отца. "Потемнеет синяя вода..."	35
Нонна Белавина — "Стынет ночь..." "Обнять и замереть..." "Зачем ты лжешь..." "О, не пугай..." Русскому театру в Белграде.	37
Яков Хромченко — "Ты запомни..." "Заходит солнце..." "Проснись..." "Весенней горлицей..."	41
Марина Гарбер — Лев. "В таком-то..." "Постой..." "Хоть на минуточку..." "...А мы, не веря..." Дэнверу	45
Михаил Крепс — Третий-лишний. "В природе..." "Над Невою..."	49
Инна Богачинская — Парижский Экспресс	53
Вячеслав Завалишин — "Вчетвером..." "Чистый воздух..." "Оторвался канат..."	55

Марина Темкина — Сараево. "Вот как станешь..." . . .	59
Ираида Легкая — Адирондакская тетрадь.	61
Анатолий Либерман — Вариации на литературные темы. Из Роберта Льюиса Стивенсона.	66
Елена Йофе — На могиле Рильке. Лью Консону... "Вот летит..." "Расставанье..."	70
Александр Рязановский — Разнотворчество. "Ода Кассандре". Евразия. Титул.	75
Татьяна Мамонова — "Время рассветом..." "Возрождение..." "Слишком много..."	79
Юрий Астафьев — "Так любим мы..." "Хотим чудес..." "Она Водолей..." "Громадное дерево..."	82
Даниил Соложев — "Лишь только над портом..." "На сердце ложатся..." "Слышишь плачи..."	84
Надежда Краинская — "Мой круг..." "Неприкаянно бродит.." "Сильно, сильно..." "Я на пороге.."	89
Борис Ветров — "А мы с тобой..." "Может, это совсем..." "Оглянусь..." "Ах, эти сладкие..." "Осела пыль..." . . .	93
Андрей Грицман — "Всегда..." "Уже не помню..." Вечерний полет. Европейские заметки.	95
Владимир Шаталов — "1993:1943". "Свет погас..." "Луны восходят..." Из дневника. "Говорила птица..."	101
Александр Перчиков — "Июль..." "Мы расстаемся..." "Деревья живые..." "Мы с тобой..."	
Валентина Синкевич — Ворон Эдгара По. Пустыня. "Дорогая Ольга..." Вашингтон.	109
Евгений Любин — "Ты сопереживаешь..." "Стихи..." "Как объяснить..." "Чем мерим мы..."	115
Нина Косман — "Захлебнувшись..." "Ты державную..." "От тревожного взгляда..." "Ветер..." "Видишь..." "Нет в говореньи..." "Вот она..." "Присутствие тени..."	118

Михаил Черкасский — Капля. Лиса и Еж. Волк и Заяц. Буриданов Осел.	122
Виктор Урин — Поэма долголетия	126
Ирина Бем — /об авторе/	133
"Говорят, что я...". Киев. Осень. На смерть Н.Гронского. Детям	135
ОБ АВТОРАХ	140

ИСКУССТВО

Михаил Лазухин — "Триада"	19
Андрей Ефремов — Эскиз к пьесе "The President"	31
Сергей Голлербах — "Уличный музыкант"	43
Виктор Лазухин — "Воскресение"	57
Лариса Ратникова — "Сонечка Репьева"	74
Даниил Соложев — Композиция	87
Владимир Шаталов — "Сила погибели"	99
Владимир Одинокоев — "Венецуэлка"	113
Алексей Шлиппе — "Мужчина и женщина"	131

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ВАЛЕРИЙ ФРАНЦЕВИЧ ПЕРЕЛЕШИН (наст. фамилия Салатко-Петрише) родился 20-го июля 1913 года в Иркутске в семье железнодорожного инженера. Умер он 7-го ноября 1992 года в Рио-де-Жанейро.

Детство поэта прошло в Чите. С отроческих лет до 1939 года он жил в Харбине, затем в Пекине, Шанхае и в Тяньцзине. Потом вынужден был покинуть Китай, чтобы не разделить печальной судьбы Арсения Несмелого и других русских эмигрантов, волей или неволей (чаще неволей) оставшихся в тех краях после вступления советских войск.

Почти все вехи жизни Валерия Перелешина отразились в его стихах, мемуарах и письмах, которые он щедро писал многим собратьям по перу. Эпистолярное его наследие должно быть огромным. Так, в одном из писем он подробно говорит о своем переселении в Бразилию. И: "В «Поэме без предмета» (большая /409 стр./ автобиографическая вещь, написанная онегинской строфой. — В.С.), — я рассказал о том, как Лариса (поэтесса Лариса Андерсен. — В.С.) и я метались по всем посольствам и консульствам, пытаясь вырваться из окруженного коммунистами Шанхая, и как "нас отовсюду вышибали". Ее спасло замужество (она стала женой француза, директора отделения пароходства), а меня никто не спасал и не спас. Только мой брат купил у одного посредника фиктивный вызов на службу в механической мастерской в пригороде Рио-де-Жанейро. Зная, что на меня достаточно взглянуть, чтобы понять, что я никакой не механик, я в этой мастерской никогда не побывал. Приехал сюда с мамой 19 января 1953 года, стал гражданином Бразилии в 1958-ом. В Бразилию я попал случайно и только потому, что сюда беженцев еще пускали..."

Для Перелешина "случайная Бразилия" вначале оказалась в творческом смысле бесплодной пустыней. Здесь не было обычного русского окружения, пропал и стимул для работы. В течение многих лет он молчал и даже перестал заниматься поэтическими переводами. "Но я всегда оставался верен русской поэзии и постепенно был усыновлен всеми зарубежными издательствами", — писал он мне.

С 1967 года Перелешин начинает интенсивно публиковать свои стихи, рецензии и статьи во всех серьезных периодических изданиях. И один за другим стали выходить его сборники стихов. "Тринадцать книг издал, — значит не впустую жизнь прожил." (Из авторского предисловия к сборнику "Влогонку", изданного в 1988 году.) Впереди было еще много книг.

Критики считают Валерия Перелешина, как некогда считали Вячеслава Иванова, мастером русского сонета. Тематика его стихов широка. Переживания лирического героя у Перелешина нередко носят исповедальный характер. У него много и религиозных мотивов, однако его духовные искания колеблются между возвышенным и низменным, между духом и телом, добродетелью и грехом. Может быть в силу "особенности" этого поэта (его словами: "чисто физическое отсутствие влечения к женщинам") борьба духа и плоти у него особенно остра. Стихи на религиозные темы он опубликовал в сборнике "Изъ глубины воззвахь..." (Холиок, 1987).

Перелешин был одно время монахом, однако покинул монастырскую обитель: "Пытался быть монахом и аскетом, / Подвижником в отрепьи власяном..." ("Ариэль", стр. 167). Но не став подвижником, он стал одним из самых значительных поэтов Зарубежья.

...Я отступил. Я отдал грубый плуг
За выдумки, за книги, за досуг.
Я изменил пареньям литургии.

Но выплачу долги мои вдвойне,
Когда в моей заплаканной России
Отечество определится мне.

("Ариэль", стр. 172)

К творческому возвращению на родину Перелешин относился очень серьезно. Отвечая на одно из моих соображений, он пишет: "Всякое появление стихов или прозы эмигранта в России имеет великое значение. Ведь и наше литературное будущее, и наше настоящее — всё-таки не в Филадельфии и даже не в Нью-Йорке, а в России". И лично о себе: "Москва меня заметила благодаря постоянству моего Ариэля (он начал переписку со мною в 1972 году)..."

Ариэль Перелешина — это московский поэт Евгений Витковский, сделавший много для популяризации зарубежной поэзии в России. Эпистолярная дружба двух поэтов (они так никогда и не встретились) вдохновила Перелешина на создание прекрасной книги сонетов "Ариэль" (Ариэль — дух воздуха в шекспировской "Буре", дух воды в демонологии, и название суденышка, на котором в бурю погиб Шелли.)

Валерий Перелешин сумел впитать и творчески осмыслить две иностранные культуры: китайскую и бразильскую. Он хорошо изучил языки этих стран и сделал множество переводов с китайского и португальского на русский. Переводил он и английских поэтов. Перелешин мечтал, что в 1993 году в России отметят его восьмидесятилетие. Увы, он не дожился до этой даты. В последних письмах поэт жаловался на страшную усталость и на почти полную слепоту. Однако одно из этих писем заканчивается так: "Новые стихи возникают редчайше, но всё-таки возникают. Посему я еще не бывший поэт, а так или иначе живой."

Мы не будем публиковать список книг Перелешина; их много, и мы надеемся, что к выходу этого номера "Встреч" список пополнится новыми изданиями, вышедшими уже в России. Мы лишь публикуем последнюю подборку стихов Валерия Перелешина, которую он прислал нам нездолго до своей кончины.

В. Синкевич

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

КАМЕНЬ

На вопрос: "Может ли Бог сотворить такой камень, который Он сам не мог бы поднять?", Вячеслав Иванов ответил, не задумываясь: "Да. И этот камень — человек."

По домыслу веселого Иваска,
Не для скорбей, а вправду для игры
Сотворены проворные миры,
И цель у них — не костыли, а пляска.

В руке Творца не школьная указка,
Не грубый кий, толкающий шары:
Он — Дед Мороз, везде Его дары,
И даже смерть — рождественская сказка!

Всё празднует, и только человек,
Окаменев, не принял чистых ног,
И Господин, рабом своим унижен,

Поднимет ли до райского крыльца
Того, кто стал, прожилист, неподвижен,
Голгофою для своего Творца?

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

ГОСТЬ

*Быть может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем...*

Марина Цветаева

Костры ты жег на глетчере высоком,
И твой задор высмеивали льды.
На склонах дюн ты насаждал сады,
Но забывал о ветре круглощеком.

По городам блуждая лжепророком,
Своих грехов ты заметал следы,
И вот теперь оборваны труды
Напрасные неотвратимым сроком.

Но есть и в том восторг и торжество,
Чтоб мир найти — и потерять его.
Союзник ли? Нет, гость бездоговорный.

С такими мы, квиниты, не дружим:
Беспочвенный и времеупорный,
Ты до конца останешься чужим!

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН

СУД НЕСТРАШНЫЙ

Полуторасожженная труба
Час возвестит предпраздничной уборки,
И выкинут на задние задворки
Мои не раз истлевшие гроба.

Вот я мужик — выращивал хлеба.
Вот я поэт — жевал сухие корки.
И попадут холщевые опорки
На впадины костей долихолба.

И засветло щипцы из хмурой тучи
Протянутся и станут рыться в куче:
Чей это крест? Чей это зуб вставной?

А к ночи нас — не всех, так половину —
Перевезут в Енномову долину:
Зола пойдет на добрый перегной!

ЗЛОРАДСТВО

Итак, вертись, шальная карусель!
Стремительный полет аэроплана
Меня пронес над гладью океана
В Голландию и далее в Брюссель.

Мелькнул Париж: замызганный отель,
Мост, обелиск, толкучка ресторана.
На третий день засел я в поезд рано
И к вечеру прикочевал в Марсель.

При долларах и марках в каждом банке
Мне сладко боль обменивать на франки,
Но, затаясь в портфеле, начеку

Злорадствуют бразильские крузейро:
Как приговор, как старую тоску,
Я выну их над Рио-де-Жанейро.

ИРИНА БУШМАН

РАЗДРОБЛЕННЫЙ СОНЕТ

В. Перелешину

В эпоху
    без природы,
                    без искусств,
когда нет в музыке мелодии,
                                    нет позы
в скульптуре
    и когда уж ни полям — навозу
и ни быка — коровам
                            (не до чувств!)

лишь на конвейере,
                    лысея —
                                    дуры —
(ни пуху, ни пера!)
                            несутся куры,
намереваясь высидеть цыплят
(в действительности —
                            всмятку
  иль в мешочек

и без кукареку,
                    затем что кочет
уже давно остыл,
                            с вертела снят)

и даже вовсе не в эпоху —
                                    просто в это
безвременье,
                    межвременье
                                    (иль вне- ?)

один как перст,..
                    что пишет по стене
огнем
    слова последнего сонета.

(Это стихотворение было написано в день смерти поэта, о которой Ирина Бушман тогда не знала. Ред.)

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

ПРОЩАЙ И ЗДРАВСТВУЙ

В стране, где Бога называют "Гад",
но поклоняются другому,
я (— Сколько это жизней-то назад?)
подумал, что пора бы и до дому.

И сразу вырвалось: — А где же он, твой дом?,
и эхом из Ахма-(— И где рассудок?)
-товой. И — твой. Так чем же я ведом?
Толпой поводырей слепых, разде-разурых,

раздрайных, тех, что ЧУВСТВАМИ зовут?
Но чувства (мама — дочке:) не советчик.
Когда-то я боялся, что на суд
притянут за ушко перед лицом зловещих

безглазых лиц, и: — Против или за?
Попробуй-ка ответить против...
а те уже и так вlepили за глаза,
и протокола не испортили.

Но хва- уже об том! Позавчера,
как и вчера, канает устьем в Лету.
А почему ж тогда, могильщик и червяк,
вгрызается в сейчас, в сейчас вот, в долю эту?

Причем, так яростно, что вот ее и нет.
—Скажи, готов ли ты сползти со всем зоном
обвалом вековым, вольясь в его люнет,
болванкою себя ж погибнуть в оном?

Иль среди молодых насмешливых племян
живым торчать анахронизмом?
Да будь хоть киловатом осиян,
найду, что высмеять. А ты — за все границы

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

страны ли, века... Нет, еще крупней:
менять, так материк, тысячелетье...
Да можно ли совсем остаться без корней?
Их пусть и нет, а боль совсем не легче.

Страна ли, век... Прощайте, все века,
что прожиты в истории и в жизни!
Когда-то даденные, вышли все срока, —
пускай в забвенье, но не в укоризне.

Прощайте, жены, чей секретный вкус
(и чью открытость) я-то уж изведаль;
и музыка, и музы всех искусств, —
все драмы радостные звука, цвета, света.

Прощайте Женя, Толя, даже ты —
да, ты, Иосиф, наконец, прости же...
Ты — жертва давняя моей тщеты,
как я — твоих амбиций и престижа.

Ты, знаю, первый, я всегда второй,
а, значит, 45-ый, 104-ый.
Дурак же я, что принял эту роль.
— Дурак же ты, иначе сам чего ты?

Прошаю вражество твое. Прощай,
достаточно ли нам тысячелетья,
чтоб разминуться? И прощай, печаль, —
не о тебе же я жалею...

Но — Бах, и Босх, и Блок, и Пруст, и Фет,
Марина, Осип, и Борис, и Анна,
Родители, чита- (— Те ли, которых нет?)...
Лишь Иисусу — до свиданья!

И — здравствуй! Это я, сгорев дотла:
— Тысячелетье, век, минуту,
которая еще не истекла,
приветствую. (— Но и она минует!)

Урбана, Иллиной
июль 1991

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БОГИНЯ

Ах это, братцы, о другом...

Б. Окуджава

Фонтан иссяк. Бегуньями ногами
уже не подмывается в воде
предмет острот, охотница нагая.
По холодам — какое там бидэ...

С утра да с недосыпу — не до шуток.
Студёно занимается студент, —
ну, точно как заря. А в промежуток
меж зорь ему еще коптеть, сидеть...

И впрямь — куда все девы подевались?
Одна, и то с трудом, следит из бронз,
как на нее косит, труся, преподаватель
украдкой... А о чем он там? Вопрос.

Не то — весной. В девчачьем обличе
разоблачит богиню только лавр,
да сногшибательно надетый лифчик
из лавки. И регочет бакалавр.

Остепененные, в ветвях сигают белки
ученые, — им всё равно теперь,
где прыг преподавать — в Иейле, в Беркли,
иль тут средь кукурузных степей.

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

Какая разница, теперь все — за, все — Запад,
а если (хоть бы) в чем-то и Восток,
то лишь в нахрапе лишнего нахрапать.
Ну — точно белочка: пушок-мешок с хвостом.

И, метя — за когда-то пестрым лугом —
в прямые чучела наук, литератур,
чувиха яростная бестетивным луком
пускает стрел отсутствие: ату!

Брось: ни герой, ни босс и ни богиня
не сдвинет ничего. Здесь волос не падет
с их многоглавия. Хоть ты погибни —
по заведенному пойдет.

И пусть. Еще глаголом припечатать
для пушей вящести. Ведь в этом что-то есть:
лук — в левой. В правую — ей дать початок.
Ведь тут Америка. И что-то есть поесть.

Шампэйн, Иллиной
декабрь 1992

ИВАН БУРКИН

УТРЕННИЙ МОНОЛОГ

Не бойся: зеркало не грязь.
Упавши в зеркало хоть раз,
Познай себя в обратном виде,
Пусть в тесноте, но не в обиде.

Построй себя в лесу страниц.
Открой себя в печатных знаках.
Ни перед кем не падай ниц.
Не лезь на небо, как Иаков.

Ищи себя всегда в начале.
Поздравь себя и с окончаньем.
Ты всё: и путь, и назначенье.
Ты всё: и власть, и подчиненье.

Я ПРОСЫПАЮСЬ...

С деревьев, как листья, падают названия.
С домов слетают адреса.
С городов сползает география.
С людей отскакивают имена, звания, титулы.
С животных отвязывается зоология.
С государств отклеиваются гербы и флаги.
С предметов в моем доме отваливаются существительные.
Глаголы срывают с себя грязь значений.
Грамматика сбрасывает с себя змеиную кожу.
Мир становится голым и безымянным.
Я просыпаюсь.
Меня ждет работа:
одеть обнаженный мир
в царские одежды поэтической речи.

ИВАН БУРКИН

СТИХОТВОРЕНИЕ

**(слова которого растворяются в голове,
вызывая поэтическое опьянение)**

Город в жидком виде.
Растянутые во всю длину лошади.
Дым из романа.
Дом с парусом.
Хромые цифры
бродят на костылях.
Ягоды женских ногтей.
Луна бросила на пол
грудную клетку окна.
Ребенок с суффиксами.
Спуск в биологию,
где женская грудь,
словно цитата из Библии.
Паровоз катается
на бесконечно длинных коньках.
Народившиеся окна
занимают свои места.
И жемчужные слезы
хранятся, как драгоценности,
для особого случая.
Что еще сказать поэту
"в минуту жизни трудную"?

ИВАН БУРКИН

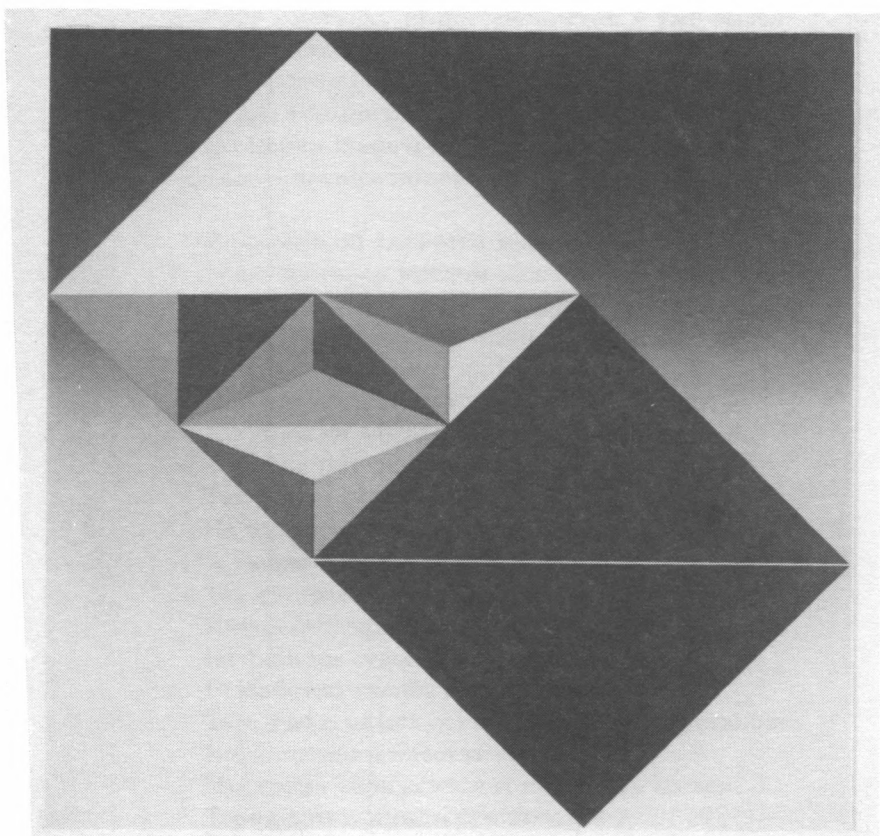
В НОЧНЫЕ ЧАСЫ

1

Гладко выбритые стены
прижимаются к волосатой темноте,
и время, посаженное в тюрьму,
облизывает с голоду голые цифры,
Но если его выпустят на волю,
меня уже не будет.
О свободе времени
лучше не думать.

2

Поздний час.
Со страниц
испуганной, как птица, книги
смотрит молодое,
разрушенное горем лицо
и просит захлопнуть двери
измученной временем книги.
Есть книги,
страдающие, как люди,
всю жизнь.

Михаил Лазухин

"Триада"

Шелкография

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

ЛЕТНИЙ СЕЗОН

“Эту выставку импрессионистов я уже видел
В иной экспозиции,
                                в большом зале
И там (помнится, в Брюсселе) что-то в ней выделил,
Но мерил холсты иными глазами.
Там — после фламандцев,
                                после Мемлинга,
В старинной свежести женских лиц,
Моне светился маслом каналов
И был Писсаро, как пристани, мглист”.
Так говорит летний сезон,
Входя в музеи, как на конвенции,
Для каждого шага имея резон
И купив на завтра полет во Флоренцию.
Так говорит дневник поездок,
Так вагон постукивает, отходя ко сну.
На будущий год поеду в Дрезден,
А может быть, в Прагу загляну.
Так светятся зонтики и столики
И чистыми красками богат —
Не зная ни судеб, ни истории,
Беззаботно гаснет летний закат.
Там, где в улыбках солнца, скрывая усталость,
Идут поезда и блестят каналы,
Мы время скрадываем и краткость жизни,
Теряя дни в импрессионизме,
Мы яркость палитр берем на веру,
А время скользит по секундомеру,
Мы в Брюгге светимся, замыкая круги,
А смерть считает наши шаги.

1991

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

ОБЛИК

Там фрески сквозят золотые,
А сумрак подобен крылу,
Как будто вошла Византия
И стала смиренно в углу.
Недвижно, как пламя свечи,
Как женская тень в катакомбах,
Как отблеск античный, как облик
Из сна приходящий в ночи.
Вошла, как видение ритма,
Фигурой подобна святым,
Из Рима, быть может из Рильке,
Из тронутых пеплом Афин.
В ней движутся отблески света
И, словно слились до конца,
И бледность могильного склепа,
И тонкая прелесть лица.
О вечности тесная клеть,
О свежесть и уголь молитвы!
Психея должна умереть
Отшельницей в келье Коринфа.

1991

УЛЫБКИ

А скуки и в помине нет —
Лишь счастье золотистых рыбок,
Сквозит в танцовщице балет
Энциклопедией улыбок.
В них обаянье естества,
У них светящиеся лица,
Они — живые существа,
Они — как ангелы и птицы.

1991

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Остоженка — как чутко осторожен
Вечерний свет — он, словно шелест уст,
Но мы сейчас его не потревожим —
Пусть будет раем и жилищем муз.
На сером камне позднее свечение,
Какой-то нескудеющей Москвы —
Он будет в сумерках нащупывать значенья
Среди архитектуры и листвы.
Пенатам на алтарь и Мнемозины ради
В уюте комнат чудо сотворя,
Он нам раскроет школьные тетради,
Легенды и страницы букваря.
А если мы из шороха и ветки
Пространство, ритм и детство сотворим,
Он стройную покажет статуэтку,
Что нам когда-то создал пластелин.
И в комнатах, чуть золотом согретых,
Блаженно и, чем дальше, тем верней
Услышим осторожный скрип паркета
И синее движение теней.
А музыка живых припоминаний
Вернет нам, ничего не утая,
Поспешное, как шепот старой няни,
Движенье векового бытия.
Остоженка посмотрит светлым оком,
Улыбка в ней проглянет, а потом
Запрячется, как гусеница в кокон,
Чтобы вернуться краской и холстом.
Слова найдет и мелочи припомнит —
Как тополь пахнет, как звучат торцы,
И в вечном свете допотопных комнат
Соединит начало и концы.

1991

ОЛЕГ ИЛЬИНСКИЙ

С БАЛКОНА

Как завтрак утренний на солнечном балконе
(Фарфоровый сервиз знал прежние века!)
Как летняя тропа, смеющееся поле,
Как озеро в рясницах тростника,
Как утром птицы в звонком разговоре
Замрут, не прерывая разговор,
А мушки золотые на фарфоре
Плетут на нем ритмический узор —
Так ты сейчас проста, как это утро летом
И светел дуб под лиственным плащом.
Наш диалог — он тоже ведь об этом —
Он голосам природы сопричен.

1991

ОСТАТОК

Раздолье рисунков и красок игра
И кроткая прелесть витража,
Улыбка графита и проба пера
И кружева тонкая пряжа,
И шорох осины и эта вода,
Поблекшая после заката —
Померкнув, они не оставят следа,
Но в памяти длится остаток
Лесных отражений и пятен цветных
И радостей, данных в намеке,
И мы на ходу составляем из них
Как будто случайные строки.
В скольженьи теней и в кольце прудовом
Хотим свои ритмы оставить,
Наивностям верим и жизнью зовем
Почти бестелесную память.

1989

РИНА ЛЕВИНЗОН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Арье Гвили

Толпа стоит у черного перрона,
над ней огонь и пепел, кровь и дым.
Наш путь — в Освенцим — от холмов Хеврона,
и нынче снова возвращенье к ним.

Но Бог не оставляет нас одних,
какая бы ни выпала планида.
Сироты мы Освенцимских портных,
но мы еще и правнуки Давида.

АННА ФРАНК

В этом городе, таком знакомом,
дверь замкни и окна затвори.
Гибелью грозит фонарь над домом
и свеча запретная внутри.

Беззащитней, чем скворец в скворешне,
ангелу шептала: "Пожалей..."
Что ей снилось в этой тьме кромешной?
Черный ветер дул из всех щелей.

В темноте, над свечкою зажженной
прячется, не ведая вины,
мой двойник, ничем не защищенный,
девочка последней тишины.

РИНА ЛЕВИНЗОН

БОЛЕЗНЬ ОТЦА

**Беспомощный, предчувствуя конец,
отягощенный невесомым телом,
стыдясь того, что он не занят делом,
последний раз смотрел на мир отец.**

**От видел то, что видит уходящий,
он понял то, что нам понять не смей,
и улыбался жалостней и чаще,
держа на двух ладонях жизнь и смерть.**

****

**Я провожу тебя теперь
всей нежностью, уже ненужной
куда?**

**Не знаю. В эту дверь
не просочится свет наружный.
Как плотно, намертво закрыт
твой мир от нас.**

**И ты не слышишь
того, что нежность говорит,
и как легко свеча горит,
и как дымок — всё выше, выше.**

РИНА ЛЕВИНЗОН

****

Я отца хоронила,
и с ним провожала себя
в запредельную сторону
нашего общего света.
Было сухо и пасмурно, слезы бежали, слепя,
и автобус хромой громыхал над пространством
несметным.
Я одна оставалась, и мама осталась одна.
Запоздалая жалость была до того безысходна,
что тропа перед нами
вдруг стала совсем не видна,
и земля становилась темна и безводна.
Что он слышал?
Чему улыбался в конце?
Может быть, той счастливой, безумной надежде...

Кто-то гроб выносил.
На застывшем лице
было столько покоя,
которого не было прежде.

****

Как давно я писем не пишу.
Что сказать мне сквозь снега и ветры?
И бегут ночные километры,
и куда-то я спешу, спешу...
И друзья, которых ближе нет,
далеко — бывает же такое.
Как вложу я в голубой конверт
всю любовь свою со всей тоскою,
что скажу на птичьем языке,
только мне понятном и знакомом?
Слышите — мой вздох над вашим домом,
видите ту вспышку вдалеке?

РИНА ЛЕВИНЗОН

ЧИТАЯ КНИГУ ИОВА

Мне бы спасибо сказать
  за все испытания Божьи.
Может, Он тех выбирает,
  кто ношу умеет нести.
Черное небо пронизано болью и дрожью,
добрые вести, как зерна, спрятаны в чьей-то горсти.

Высушит сердце,
  тоской пропитает глазницы,
горечь и страх ударяет сильнее и сильней.
Книга Иова раскрыта на первой странице,
мне ли роптать на нескладицу жизни своей.

****

Просеивать просо надежды,
на мельнице воду молотъ,
и знать, что печально и нежно
за мной наблюдает Господь.
Настраиывать легкую лютню,
настаивать сонный настой,
и ждать, что хорошие люди
заглянут на ужин простой.
И разве такое бывало,
Господь мой — вот слово Твое —
я пью из пустого стакана
сладчайшее в мире питье.

ВАДИМ КРЕЙД

АЙОВСКИЙ ДИПТИХ

1

На синем, как легкость дыханья,
как вечности цвет, — полотне —
сверкание и колыханье
высокого клена в огне.
И полон сиянья и линий,
и жертвенных полон он благ,
багряный, зеленый и синий —
трехцветный октябрьский флаг.

2

Осеннего цвета приметы —
и шелест, и желудь, и хруст,
и гинкго бросает свои эполеты
настурциям — в огненный куст.
И дерево гинкго, и медные вязы
и русской настурции куст —
в оркестре, с которым то блюзы,
то джазы
игрет октябрь-златоуст.

ВАДИМ КРЕЙД

ПРОСТРАНСТВО

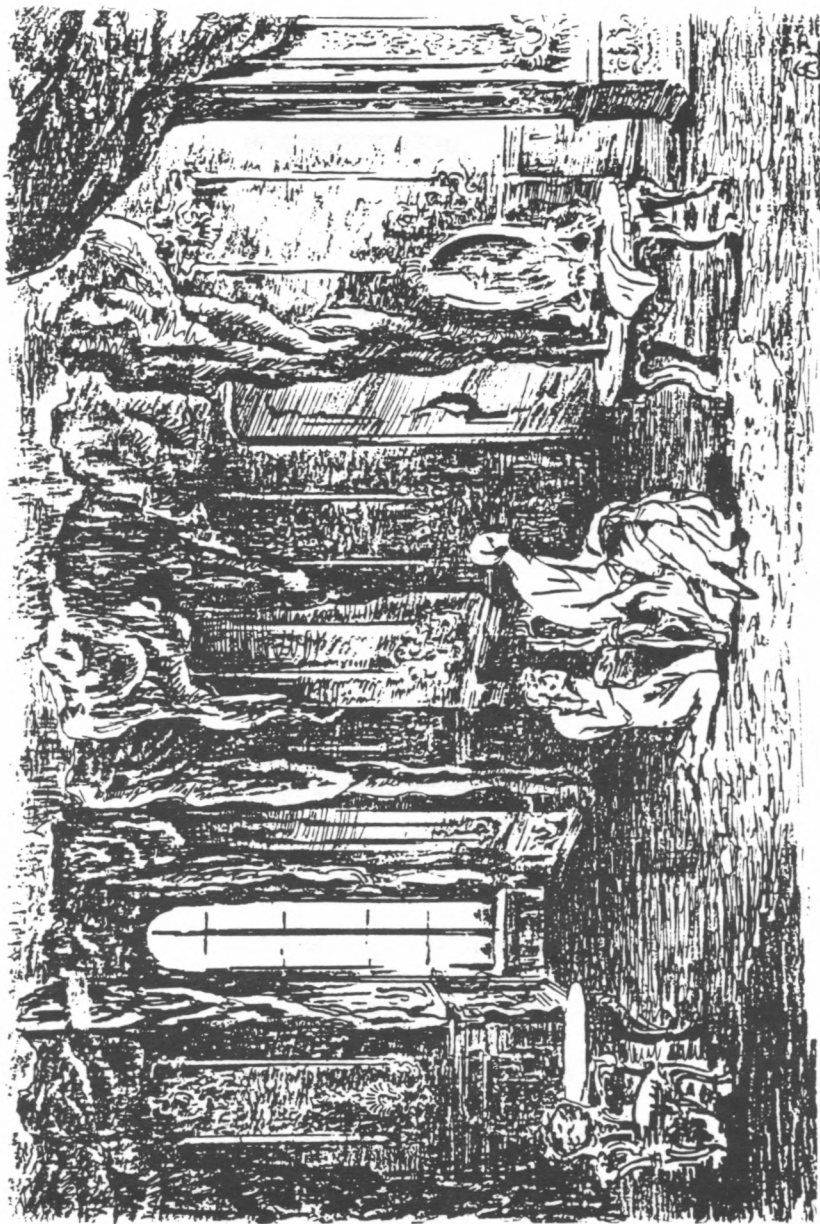
Где-то гул паровоза
уносился в пространстве,
и стихали колеса
в круговом постоянстве.
Вместе с синим морозным
гулким днем одиноко
этот шум паровозный
уносился далеко.

И сквозь даль мимолетно
пронеслась, осенила,
точно ангел бесплотно,
благодатная сила —
вся в незримом убранстве
в этот миг озаренья,
не заметив пространства
наших трех измерений.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Еще цикада верещала,
Как в легкую ночную тень
Ночная птица прокричала,
Дневная — начинала день.

В тот миг дыхание иного
Повеет широко — на миг,
Без образа оно, вне слова,
Которым бы его постиг.
Не дуновение — живая
Вода, и если не пролить...
С каким-то Божеским уставом
Нас втайне связывает нить.

Андрей Бюремов

Эскиз к пьесе "The President"

Петро. Тушь.

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА

ВОСПОМИНАНИЕ

Там по ночам негаданно, нежданно
Идут большие корабли,
И слышится томительный и пряный,
Невнятный запах не моей земли.

Еще доносится благоуханье
Садов и арок. Чуткие мосты,
И, словно губ последнее прощанье,
Последний зов из темноты.

И в глубине средневековой арки
Я чей-то шепот будто бы ловлю,
И может быть, ревную я к Петрарке,
И может быть, Лауру я люблю.

И там, вдали, где волны отдыхают,
Где от чудес уже на волоске,
Лауры имя легкое блуждает,
Лауры след оставлен на песке.

****

И в чем, ума не приложу,
Оправдываться, признаваться?
В который раз себя сужу,
Листом осиновым дрожу,
А всё никак не отбояться.
Легла усталости печать
На все привычки и приметы,
А может быть, пора начать
Там недоцветность замечать,
Где был переизбыток света?

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА

****

Льется исповедь, жжет пролог,
Сердце бьется и бьет тревогу,
А приснившийся мне Восток
Только строчка для эпилога.
В пошатнувшуюся мечту
Погрузиться, как в сновиденье...
Перевернутый мир в цвету,
Ах, какое кругом цветенье!
Сны досматривать нету сил,
И проснуться вот не сумела.
Если б строчку ты спросил,
То тогда бы другое дело.
Но какая стоит зима,
Что за празднество, пир для зренья.
Здравствуй, радость, своди с ума
Сумасшедшее озаренье!

****

Подари ты мне строчку,
Как зарю:
Не сердись — за это строчку
Подарю.
Будешь завтра ты сердиться,
Как вчера,
А сегодня — небо, птицы
И утра.
Все рассветы, что блистают
Позади,
Льдинкой тают - не дотают,
Погляди!
Сколько света, сколько цвета,
Синь да синь.
Свежесть ветра, нежность лета,
Не остынь!

ПАВЕЛ БАБИЧ

КОРНЕТ ОБОЛЕНСКИЙ...

*В Ново-Дивеево ночами
Кресты касаются крестов плечами...*

I

Уже рассвет топтался у порога.
Всё сказано. Пора седлать коней.
"Пришли, коль сможешь, весточку с дороги.
Бог милостив... Не думай обо мне."
Перекрестила. Вытерла глаза
И проводила сына до ворот.
Подков горячих смолкли голоса...
Давно уже никто его не ждет.

II

Он вспоминает себя в строю,
Коня, потерянного под Джанкоем,
И тех двоих, что убил в бою,
И тех троих...
В изголовьи тень — может, это весна?
Парижской оттепели капель
Вышла из сна?
Нет, то кричат воробьи на дворе
В Царском Селе.

Стынет стакан с недопитым чаем.
В сизый рассвет
Из богадельни уходит в рай
Старый корнет.
Может, он встретит теперь в раю
Коня, потерянного под Джанкоем,
И тех двоих, что убил в бою,
И тех троих, что добил без боя.

1985-1993

ПАВЕЛ БАБИЧ

ПАМЯТИ ОТЦА

Ночь за окном. За стеной непогода.
В двери стучится ветер.
Он на зимовке уже два года,
Завтра начнется третий...
В эфире тягостная тишина.
Война.

Синие, синие, синие льды,
Небо свинцово-серое.
У полыни на снегу следы.
Борт парохода, кромка воды...
На материк — в прорубь беды.
Черными вспомнятся синие льды,
Волосы станут белыми...

1985

****

Потемнеет синяя вода
Поднебесья — призрачный уют,
Ангелы с дороги в никуда
"Алилуйя" громко пропоют.

Я умру в Вермонте на заре,
Листопадом лягу на погосте.
Старый ворон прилетит и спросит:
"Где остался след твой на земле?"

За горою прячется луна,
Тусклый свет погаснет в тишине —
Добрая чужая сторона...
Может, кто-то вспомнит обо мне.

1993

НОННА БЕЛАВИНА

****

Стынет ночь. В морозном воздухе
Спят, как призраки, дома.
Землю снегом, точно звездами,
Разукрасила зима.

За окном в узорах инея
Неприветная страна...
И стою печально ныне я
У замерзшего окна.

Где-то там за далью пестрою
Городов и рек чужих,
Там за верстами и верстами
Непонятная, как миф,

Как шарада многоликая,
Незнакома и чужда,
Бесшабашная и дикая,
Но любимая всегда,

От рождения любимая
И святая, точно храм,
Русь моя неповторимая
Затерялась где-то там!..

(Германия)

****

Обнять и замереть... И всё забыть на свете
И душу распахнуть навстречу небесам,
Познать паденья страх и высей чистый ветер...
Пусть миг, но за него я жизнь свою отдам.

К чему слова? Я всей собой тебе отвечу,
Смотри в глаза, ты всё увидишь там.
Моя любовь летит твоей навстречу,
Деля с ней и восторг и гибель пополам.

Что ждет нас впереди? Разлука или счастье?
Не нужно нам гадать, ведь Рок подскажет сам...
Но только пусть сердца всегда открыты настежь
Сияющим, больным, неповторимым дням!..

1944

НОННА БЕЛАВИНА

****

Зачем ты лжешь? Ведь я не упрекаю
За встреч и чувств мучительный дележ.
И, зная всё, я "ничего не знаю",
Легко смеюсь, легко тебя прощаю,
Но только... для чего ты лжешь?

Я так хочу тебе спокойно верить..
И в дружбе, что могла б любовью быть,
Прошу тебя, не нужно лицемерить —
Ведь только ложь я не могу простить.

Перечеркнуть я прошлое не вправе,
Ему ты будешь дань платить всегда.
Пусть к нашим встречам, как к простой забаве,
Подходишь ты. И прежние года

Тебе всегда останутся дороже
Дней настоящих. Я пойму. Ну что ж?
Меня любить ты, как ее, не можешь.
Мне и не нужно. Но зачем ты лжешь?

НОННА БЕЛАВИНА

****

О, не пугай меня и отойди,
Не повторяй, что мало дней осталось,
Что ничего не светит впереди,
А только жадно тянет руки старость,
Ведя нас в мир холодной пустоты,
Всё отобрав, оставив только имя...

А музыка? А книги? А цветы?

Они — мои! Никто их не отнимет.
И утро, что сегодня расцвело
Всё в голубой и розовой одежде,
И ласточки мелькнувшее крыло,
И птичий гомон радостный, как прежде,
Еще — мое!

Не знаю, сколько дней
Я этот мир держать в объятьях буду
И жизнь свою — немеркнувшее чудо —
Благословлять в душе своей.

НОННА БЕЛАВИНА

РУССКОМУ ТЕАТРУ В БЕЛГРАДЕ

Опустив утомленные веки,
Я вспоминаю с тоской,
Как простилась с тобою навеки,
Мой незабвенный, родной.

Ухали бомбы, взрывались зенитки,
Выла сиреной война,
Чашу жестокой, мучительной пытки
Люди глотали до дна.

Сколько дорог нами пройдено ныне...
Годы идут и идут...
Но не забудется бархат твой синий,
Кресел знакомый уют.

Помню прощальные слезы во взгляде,
В мыслях безмолвие мук...
Русский театр в далеком Белграде,
Старый покинутый друг!

ЯКОВ ХРОМЧЕНКО

****

Ты запомни, припомни, припомни, взгляни:
Ко всему, что окрест — прибавляется "Веле"...
Велегожским песком осыпаются дни,
Велегожской Окой проплывает неделя.

Веле-день, веле-час, веле-луг, Велегож,
Огибается августом край веле-лета...
Ты припомни, припомни, и снова найдешь,
И придешь из далекого, дальнего света.

****

Заходит солнце за рекой,
И каждый звук и чужд, и лишен,
Такая тишь, такой покой,
Что благовест как будто слышен.

И если встанешь во весь рост,
И если глянешь против света,
Через Оку к Генисарету
Протянется высокий мост.

ЯКОВ ХРОМЧЕНКО

****

Проснуться в пять, подняться в гору
По заовражной тишине,
И в полшестого выйти к бору
На той, на дальней стороне.
И целый час глядеть бесцельно,
Как во хмелю или во сне,
На сосен танец корабельный
На корабельной стороне.
И, возвращаясь тропкой шаткой,
Еще примерно с полчаса
На том краю ловить в оглядку
Летящих сосен паруса.

****

Весенней горлицей воркуют провода,
Норд-ост песок несет с дороги,
Как запоздалая беда,
Пес ковыляет колченогий.

Пустынные пески и мертвая трава...
И только раз в коротком повороте
Тень паруса в стремительном полете
И волн живая синева.

SH.92

Сергей Голлербах

"Уличный музыкант"

Перо. Тушь.

МАРИНА ГАРБЕР

ЛЕВ

И камнем прикинулась плоть...

О. Мандельштам

То ли от жадности, иль от истомы,
Ядом разъевшей пустую грудь,
Львов заносили в свои альбомы
Разноцветасто, чтоб не спугнуть.
В камне сложили, зарисовали
В красках — для силы, которой нет,
И приручили, и приковали,
Смирили на вечность грядущих лет.
Мрамор, помпезность, колонны... Врете!
Архитектурная стынет ложь:
Львиную долю от львиной плоти
Рвать — под резец, карандаш и нож!
Царь — Повелитель чумной природы,
Расколдовать бы, толкнув плечом —
Пусть пошатнутся и рухнут своды
Мраморной пылью и кирпичом.
Хватит! Свидетель шагов и споров,
Воздух глотни и воспрянь из скал,
Выпрями спину, стряхни оковы
И ощерь свой звериный оскал.
Лапой измять бы лесные листья...
Только — бессилен, поник, затих
Каменный призрак — всех каменистей
И человечнее всех других.

Март 1993

МАРИНА ГАРБЕР

****

В таком-то зрелом переплете
Моя незрелая душа,
Застывшая в бескрылом взлете
На острие карандаша.
На целый том — одна страница
Моя — без имени и дат,
И время пущенное злится
На самотек и наугад.
Но тот, кто знал меня и помнил —
Среди бесчисленных пустот,
В печатном строчечном изломе
Узная, имя назовет.

Март 1993

****

Постой, побудь еще со мной...
Небесные пылают фрески,
За паутиной занавески
Сиреневый упал покой.
Весенняя качнулась дрожь,
Вниз, со стремительностью свиста,
Как будто пальцы пианиста,
Траву перебирает дождь.
И прячась в чувственную нить,
Отвергнув мерки и весы,
Всё, что дожило до весны,
Хочу с тобой делить, продлить...
Постой...

Март 1993

МАРИНА ГАРБЕР

****

Хоть на одну минуточку,
Пусть иногда, пусть чуточку —
Нет-нет, и всё же хочется
Отведать одиночества.
Оно — от слез соленое?
От ужаса — паленое?
С ленивыми повадками —
Оно такое сладкое!
Искрится в беззаботности —
И никакой отчетности.
Ни крика — ни в полголоса,
Ни тени и ни волоса
Чужого, непривычного...
Всё серое, обычное,
Печальное и, видимо,
Оно совсем невидимо...

Декабрь 1992

****

...А мы, не веря в благодать,
Скребем по жизненному камню,
Свой век стремясь предугадать,
Вникаем в пыльные преданья.
И на распутицах дорог
Не медлим, и не прогадаем.
Так страх бессилье перевозмог,
Так мы себя переживаем.

Март 1993

МАРИНА ГАРБЕР

Дэнверу

Опоясанный лентой горною,
Будто связанный по рукам.
А за изгородью оконною
Тот же шепот и тот же гам.
Сколько трепета мне знакомого
В огоньках законных нор...
Ты на волка похож матерого,
Заблудившегося меж гор, —
Так по-волчьему одинокого,
Оголившего свой оскал,
Головой задевшего облако,
А плечами — вершины скал.
Я с твоими сливаюсь лицами,
Забывая — куда рвалась:
Черт с Парижами, Римами, Ниццами —
Я с душою твоей срослась.
Мне с тобой горевать и праздновать.
Я привыкла, и всё могу:
И ворон твоих передразнивать,
И лежать в голубом снегу,
И бродить по знакомым улицам,
Покупая себе цветы —
Пусть толпа в суматохе жмурится,
Удивленно глядят мосты,
Молчаливые переулочки
Тонут в талой сырой воде,
Льнут к промокнувшей усталой дурочке,
Улыбающейся тебе.
Наконец-то повеял сладостью
Этот трубный курчавый дым...
Милый город, — воскликну с радостью, —
Наконец-то ты стал моим!

Январь 1993

МИХАИЛ КРЕПС

ТРЕТИЙ-ЛИШНИЙ

Болтают тополя с дождем;
Улики влажных междометий
Подслушивает кто-то третий,
Не отягченный багажом
Гнезда, пророчества, реки,
Под ветром серебристой рыбой
прикинувшейся, маяки
Раскачивая темной глыбой
Спины, купая плавники
В блестящей мелочи, как ты бы
Перебирал слова, пока
Найдется нужное в подарке
Того, кто с неба облака
Послал плясать дождем под арки,
Под статуи, под фонари,
Чьи нимбы отражая, лужи
Соединяют изнутри
Идущий свет с огнем снаружи.

Над рыбьей чешуей реки,
Забравшись в свой прозрачный кокон,
Старухи зыркают из окон,
И трут суставы старики.

О чем беседуют с дождем
Деревья, зябнущие в парке?
Что слышит ветер в хриплом карке
Ворон, не легких на подъем
Во время ливня? — Контрамарки
Всем розданы, и кто не глух,
Услышит, как волна у барки
Лепечет, нить в руках у парки
Скользит, и третий-лишний в парке
Сознание превращает в слух.

МИХАИЛ КРЕПС

****

В природе вечная война
Идет, эксцессами вольна,
На спины прыгая упруго,
Животные грызут друг друга,
Народы пламенной гурьбой
Спешат на братский мордобой,
Березе клен махая лапой,
Ей корни душит тихой сапой,
Неумолимый, словно фриц,
Комар втыкает в кожу шприц,
И даже мизерная муха
До крови льва кусает в ухо.

В природе вечная любовь
Идет, тасуя плоть и кровь,
Сводя и разводя колени
В круговороте поколений.
Плывут задумчивые птицы
Вытягивая в профиль лица,
Самцов абстрактная мазня
Сверкает, слабый пол блазня.
Страсть учит рыб с ней быть на ты,
Им очи кроет поволокой,
Страсть раздувает животы
Кому икрой, кому молокой.
Капустниц легкая гурьба
Резвится в летних платьещах,
У них весенняя гульба,
Они потом раплатятся.

МИХАИЛ КРЕПС

Широкоглазы и стройны
Стрекозы в пачках газовых,
Играют небеса страны
В их взглядах многофазовых,
Их опыт жизненный не прост,
Держа засохшей веткой хвост,
Готовят мошкам холокост,
Волненья не выказывая.
И вдруг стремглав на них войной
Летят во всеоружии,
А после, хвост, раздув двойной
И дымчатое кружево,
Друг друга любят налету,
Полетом славя высоту,
Хвостов упругих наготу
Друг другу обнаруживая.

А мы, природные лгуны,
Самих себя не радуя,
В пути Творца погружены,
И на Него досадуя,
На поле страсти и войны
Глядим, борьбой поражены,
Страшась свободы и вины,
Их тайный смысл угадывая.

МИХАИЛ КРЕПС

****

Над Невою Овен дан.
Ночь смущает звездочета
Тайной нечета и чета,
Ночь страшает пуритан.
Погоняет Буридан
Неразумную ослицу,
Звезды светят сфинксам в лица,
Над Невою Овен дан.
Над Невою Овен дан.
Небо манит глаз оглядкой
Черной в крапинку подкладкой,
Как раскрытый чемодан.
Месяц вышел на майдан,
Как без точки знак вопроса
На рассыпанное просо
Смотрит искоса и косо,
Желтолиц, как Гоминдан.
Над Невою Овен дан.
За столом сидят бараны,
На столе лежит баран.
Звезды падают в стаканы,
Капает на кухне кран,
Добывается уран,
Добывается посуда,
Над державой держит Будда
Два Завета и Коран.
Высыпавший, как простуда
На губах, как знак оттуда,
Не летит никто откуда,
Над Невою Овен дан.

ИННА БОГАЧИНСКАЯ

ПАРИЖСКИЙ ЭКСПРЕСС

Нас швырнуло друг к другу,
как пленных в запретную зону.
Распоролась греховно
понятия и языки.
Мы зашлись в пароксизме
потерянно и обнаженно.
И сомкнулись, как веки,
блокаде ночной вопреки.

Эта музыка жестов
и легких, как пена, касаний,
Когда речь каменеет,
не в силах пройти сквозь уста.
Эта мистика мимик,
в которой запутались сами,
И вслепую вскочили
на мчащийся в тайну состав.

Что нам было терять —
неприкаянность, неутоленность?
Нас обоих буравила жизнь,
то и дело пытаюсь себя отобрать.
Я не знаю, как Вас,
но меня приучили с пеленок,
Чтобы тоннами лиха
платила за кроху добра.

ИННА БОГАЧИНСКАЯ

А пока —
я меняю билет на экспресс Лурд-Париж,
соблазненная наспех.
Нам досталось "сегодня",
чтоб в нем раствориться до дна.
И на полуфранцузском
я Вас убеждаю, что путь мне — в монашки,
И на полуанглийском
клянете меня, чтоб в монашки не шла.
Мой экспресс к отправленью готов.
Ну, а Вы? Вы готовы к концу этой сказки?
Прошептали воздушное что-то,
как па танцовщицы Дега...
...И в запале зимы,
среди нью-йоркской безудержной скачки,
Что останется с лета? —
всего лишь — французский загар.

ВЯЧЕСЛАВ ЗАВАЛИШИН

****

Вчетвером летим в моторной лодке.
Бьет с борта кипучею волной.
Вкруговую шла бутылка водки.
Ждем летучих рыб над головой.

Всё соленой свежестью согрето,
И дельфины плещутся вблизи.
Радуга, блеснувши нежным цветом,
Над волною аркою висит.

Жизнь моя еще не без просвета:
Не для смерти ж человек рожден!
Неужели песнь моя не спета?
И не смыта ветром и дождем?

****

Чистый воздух пьянит нас, дождавшихся лета.
Берега покрывает здоровый загар.
Белых чаек в полете встречаешь с приветом,
Синий сумрак встречал остывающий жар.

Наша лодка летит серебристой акулой
С обозленным мотором в кипящей груди,
У волны расшибив оловянные скулы
И врезаясь в тугой горизонт впереди.

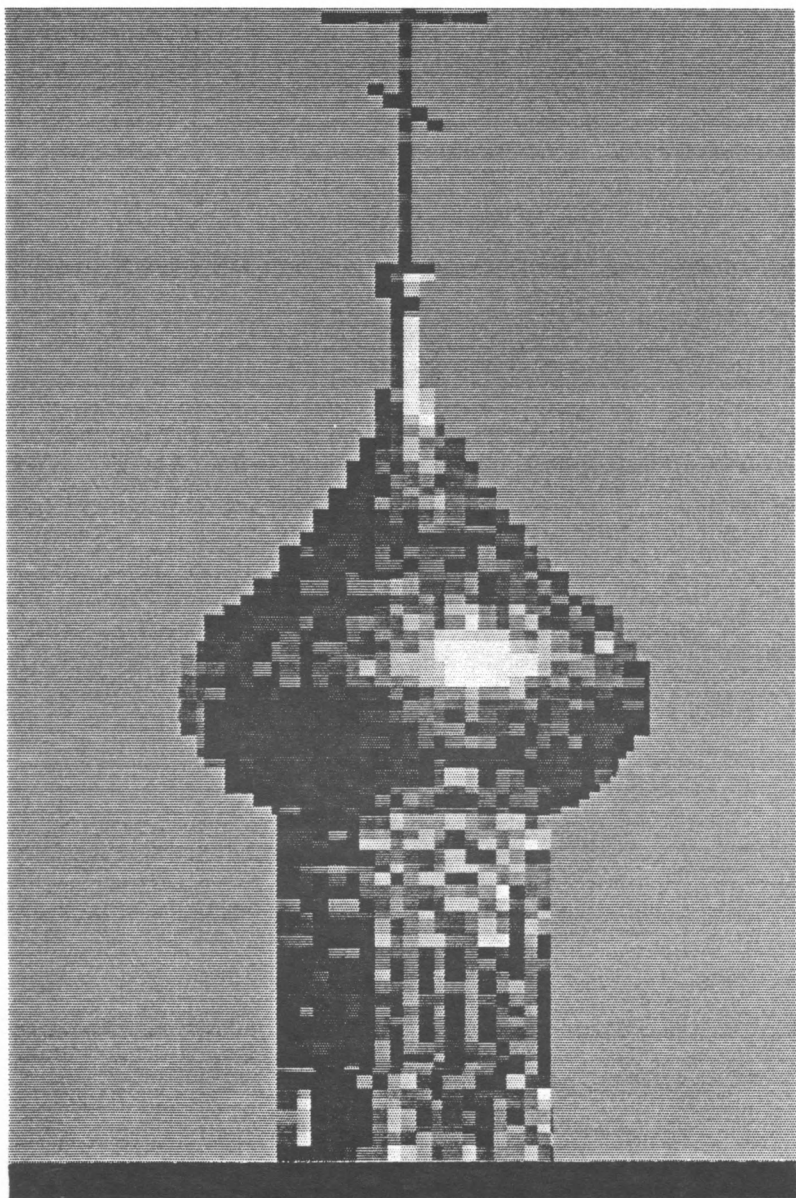
Всё кругом в серебристом свеченьи и пеньи.
Солнце прыгает в море, горя.
Продолжай же, приятель, сливаться с движеньем:
Еще рано спускать якоря.

****

Оторвался канат от причала.
Чья-то лодка плывет без людей.
Ее шалой волной закачало
И уносит в безбрежье скорбей.

Не спасут одинокую лодку
Ни огни маяка вдалеке,
Ни утес дымносизный и скользкий,
Ни созвездья в небесной реке.

Эта лодка пойдет ко дну где-то
Под напором ненастий и бурь.
Все мы жаждем беспечного лета,
А встречаем лишь ветер да хмурь.

Виктор Лазухин

"Воскресение"

Компьютер

МАРИНА ТЕМКИНА

САРАЕВО

То ли ключ повернулся в амбарном замке, то ли лезвием узким
язычок отодвинулся вбок и задвижку откнул,
то ль по ложечке чайной, умелый провизор как будто,
свет потек, то ли кровь, то ль муки распечанный куль.

То ли крупка, сыпучка, пшеничка, то ль поле возделал,
лесом рук потянулся к съестному, костями удобрял,
узнавал свое время народ, кто в штатском, кто в форме военной,
кто по острой нехватке для умерших в ночь одеял.

То ли хлеб. Оловянных солдатиков шлют на раздачу.
То ли сахарный тает в колодце песочек ночной,
то ли снайпер прохожего ждет, кто сонный выходит, случайный,
толокна порционную миску кто замертво первый начнет.

То ли молотобоец кувалдою по золотому: расплющил сеченье,
то ли корпус масленки конический смысл часовой механизм,
то ль скоба, наконечник, паяльная лампа — есть звенья
цепи той же, что нитка с иглой, мешок чтобы с телом зашить.

То ли бог-геометр, бог-кузнец, бог-литейщик, Бог просто,
хочешь верь в Иегову, хоть в Будду, в Аллаха, в Иисуса Христа,
то ли умо-нашло-помраченье, бог-пахарь, бог-разум, бог-логос,
убивают друг друга, и вся тут тебе красота.

1992, Нью-Йорк

МАРИНА ТЕМКИНА

****

Вот как станешь рассказывать о длине дня, о длине ночи,
о продольном ветре, шатавшемся по канавам сточным,
и о том, как ему поперек небо идет и идет по небу,
полосой проходя в ноябрь, как прокат газетный.

Так к зиме подкопишь червонцев, подбивая выручку днями,
продвигаясь к концу, к неизвестно чего началу,
то ль войны опасаясь, то ль мира ждешь улучшения с погодой
в беспокойстве животном о только своем ребенке.

Пошептать нет нужды: сама остановится кровь, леденя
в страхе обернуться и тень увидеть иль столб, иль стать
опять малолетним
и вернуться к профессиональным нищим, откуда вести
словно в зал из нетопленного заносятся коридора.

Существуй, прохожий, для вывесок, уводящих строчки за угол
из квартала в квартал, залетай, голубок, в перспективу,
несъедобный товар двуногий, соломинка для спасенья
и бульонный кубик в памяти, как в музее скульптуры.

Как припомнишь наошупь вошеной бумаги рулон,
оберточной, папирсной
отколуп протертой клеенки, латунную ступку, пружины дивана,
где осанке конец, и шероховатый гранит в тепло или в холод,
так увидишь Время, опершись, стоит с базарной кошелкой.

1990

ИРАИДА ЛЕГКАЯ

АДИРОНДАКСКАЯ ТЕТРАДЬ

РОЖДЕСТВО 1988 ГОДА

За окном одновременно
Капель и снег
Пронзительность черных стволов
На снега белизне
Так бы сидеть у окна
И плакать целый день
Выплакать хотя бы
Одну сотую боли
Что осела во мне

Только что отпраздновали
По новому стилю Рождество
Неуклюже на лыжах
Веселее на санках и на коньках
Внук увидел медвежьего
Деда Мороза во сне
Почувствовал мех его
В своих руках
Эльфов-лягушат
Он наверно выдумал
Но не всё ли равно?

Ах как хорошо
Что за окном всё гуще снег
Теплый дом и лес
И пруд и луг
Ни за что ни про что
Подаренные мне
Или это просто
Замыкается жизни круг?

ИРАИДА ЛЕГКАЯ

Музыка льется по радио
В ненасытную тишину
За окном падает снег
На крест сосны у гаража
На сарай на плетень
Больно сознавать
Что умирает мать
Невыносимо смотреть на нее
Изо дня в день
Горько голому горю
Смотреть в глаза
Невозможно молчать
И поэмы не написать
Муж придет скажет
— Нет на тебе лица
За чужую жизнь
Никому не дано отвечать

****

Нет ничего на свете
Кроме простой дороги
Кроме пустой дороги
И чуть желтеющих листьев

Нет ничего на свете
Кроме горных просторов
Кроме озер распростертых
И чуть краснеющих листьев

Кроме лесных массивов
Сплошных и неторопливых
Осень в Адирондаках
Была медленной и красивой

Сентябрь 1989 г.

ИРАИДА ЛЕГКАЯ

ДОРОГА НА СЕВЕР

Стая гусей улетает
То ли на юг то ли
В штатный парк
Округа Рокланд
Слова — камушками
Во рту — до зубной боли
Серая лента дороги
Пересекает реки
Долины леса и горы
Город остается позади
И я становлюсь другою
Грязный грузовичек
(перед ним еще два)
Путеводной звездой
Дорога вьется то влево
То вправо

Блаженное
Состояние транса
Так и едем
По зимней земле
Веселым конвоем
И на большое счастье
Нет ни охоты ни права

11 декабря 1989 г.

ИРАИДА ЛЕГКАЯ

ПО ДОРОГЕ НА ЮГ

Г. И. Л.

Если есть рай
Екатерина Яковлевна
Пьет там чай
С матушкой Одельской
И Зоиной мамой
Они беззлобно судачат
О соседях
Вздыхают о детях
Внуках и правнуках

Их болезни
А их было немало
Распускаются розами
Ромашками и васильками
Маками и пионами
Чем больше цветов на земле
Тем в раю веселее

По привычной красивой
Дороге на юг
Ехать и плакать сподручно

Мы с сестрой
Усаживаем могилу мамы
Цветами
Незабудки тюльпаны
Маргаритки нарциссы
А когда они увянут
Вербена
Но от этого
Не становится
Менее больно.

ИРАИДА ЛЕГКАЯ

Мама посматривает
Не идет ли Марья Яковлевна
Сергей Германович
Приходит в гости
Целует дамам ручки
Рассказывает истории

Чем дальше в сад
Тем больше цветов
Тем больнее

Я реву белугою
Сердце просит аварии
Вверх тормашками
По немислимой траектории
Но не судьба еще! успокаивает
Придорожное поле
Белых ромашек

14 июня 1990 г.

Е.Г.М.

МОЯ ДУША

Просторный дачный дом и темный лес
Всё что растёт и дышет в нём
Гнездо небезопасное осиное
Небесный свод пронзительный и синий
И дерева Иудина — осины
Извечный трепет кожей гусиной
Заросший пруд веселый водоем
Где по утрам мы плавали вдвоем
Соседний вспыхнувший сгоревший дом
И боль что в шутку жизнью мы зовем
И близкие которых больше нет
Которые теперь земля — земле

Вот почему не страшно мне одной

23 июня 1992

АНАТОЛИЙ ЛИБЕРМАН

ВАРИАЦИИ НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ

1. ДИККЕНС

Мелькают ночные тени,
На тюрмах скрипят засовы,
В загородной тьме осенней
Ищут добычу совы.
На горле сжимаются пальцы,
В Холодном Доме — холод.
Под крошечным одеяльцем
Младенца мучает голод.
Тают детские грезы,
В мире везде беспорядок.
Но вот отшумели грозы,
И в небе тысяча радуг.
Радость омыта слезами,
В душе заживают раны,
И если живы, то сами
Раскаиваются тираны.
Человек прекрасен и добр,
Но дайте ему согреться...
Мистер Вилькинс Микобер,
Вот Вам мое сердце!

АНАТОЛИЙ ЛИБЕРМАН

2. ОСКАР УАЙЛЬД

Мой путь лежал передо мной,
Вокруг благоухали флоксы,
Я шел дорогою земной
И всюду сеял парадоксы.
Я остро отточил свой ум;
Моя блистательная форма
Изящно заглушала шум
Разбушевавшегося шторма.
Себя в пути я развлекал,
Мешая краски на мольберте,
Смотрелся в множество зеркал
И редко вспоминал о смерти.
Я делал вид, что всех людей
Готов измерить общей меркой:
Не по богатству их идей,
А по забавам с бутоньеркой.
Я долго шел вперед. В конце
Решил я маску снять. И что же?
Была не маска на лице,
А только складки дряблой кожи.

3. ТОМАС МАНН

Я в мир пришел, чтоб стать твоим,
Твой сын, любовник, брат,
Но нам с тобой, таким двоим,
Любовь — кромешный ад.
Твое тепло, твой детский смех,
Твой беззаботный нрав —
Изнанка бешеных утех
И варварских забав.
А я следы твоих подошв
Смирненно целовал
И мог ли знать, что ты пойдешь
За первым, кто позвал!

АНАТОЛИЙ ЛИБЕРМАН

Весь мир в ладонях он растер
И бросил порошок
Тебе в питье. Он был хитер,
Он крикнул: "Я пророк!" —
И погрузил тебя в туман,
Чтоб надругаться всласть,
И я не выдержал: Я, Манн,
Пошел, чтоб вас проклясть.
Я вырос у тебя в плену,
Любовник твой и сын,
Тебе я должен был луну
Достать, как апельсин,
Но я пошел тебя проклясть
И проклиал ваш союз —
Насилья гибельную власть
И преступлений груз.
Я встал навстречу вам с ружьем,
Я принял этот бой,
И, чтобы вновь нам быть вдвоем,
Я не жалел обойм.
Но вышло так, что весь свинец
Попал в мою же грудь.
Ну, что ж. Я видел свой конец,
Я сам свой выбрал путь.
Я проклиал вас. Теперь меня
Все проклянут края.
Прости меня, любовь моя,
Германия моя.

АНАТОЛИЙ ЛИБЕРМАН

ИЗ РОБЕРТА ЛЬЮИСА СТИВЕНСОНА

****

Я дошел до гребня и спустился вниз.
Дела, страдания — всё мертво теперь.
Я своей мечте не говорю: "Вернись".
Я жил, любил и закрываю дверь.

РЕКВИЕМ

Я бы хотел, чтоб с дальних звезд
Лился свет на мой погост.
Жизнь я любил, почил без слез,
И мила мне вечная тьма.
Скажет надгробный камень мой:
"Он нашел, где искал покой.
С моря приплыл моряк домой,
И сошел охотник с холма".

ЕЛЕНА ИОФФЕ

НА МОГИЛЕ РИЛЬКЕ

*"Всё в этом мире готово нас замолчать,
будто мы тайный позор или тайная
чья-то надежда."*

Вторая Дуинская Элегия

Молчанием окружена.
Но, верно, так и надо.
И сквозь меня проходят взгляды,
хоть я пока еще жива.
Мой голос мог наполнить зал,
а я неслышно пропадаю.
Но тот давно об этом знал,
к кому душою припадаю,
кто был со мной в весенней мгле,
бесплотный, в пламенной короне,
за кем я шла так много лет
и не нашла его в Рарони.
Не получилась встреча двух.
Его я долгожданной вести
не приняла. Сгущенный дух
не обитал на этом месте,
у этой каменной плиты,
где роза смеживает вежды.
Я, значит, тоже чей-то стыд
и чья-то скрытая надежда.
Невольной мучаться виною,
пока живу, осуждена,
в пространстве не отражена
ответной звуковой волною.

Июнь 1991

ЕЛЕНА ИОФФЕ

ЛЬВУ КОНСОНУ, ПОЭТУ, ЗАТЕРЯВШЕМУСЯ
СРЕДИ РАБОЧЕГО КЛАССА

I

Не доверяйтесь голосу зычному —
слово даруется косноязычному.
Слово, которое шепотом вынянчит,
слово, которое с мукою вымычит,
слово, которое тем переполнено,
что передумано и перепомнено.
Это оно над забвения бездною
светится тихо, простое и бедное,
чтобы утешиться, чтобы печалиться.
Так получается, так получается.

1985

II

Между "пускай" и "надо"
мы бьемся как-нибудь,
а он — как по канату,
и в сторону ничуть.
Пока мы, вымирая,
свою щадили плоть,
кроша и выминая,
его сберег Господь.
Он просто между нами
молчит и говорит,
но маленькое пламя
в руках его горит.

1988

ЕЛЕНА ЙОФФЕ

****

Вот летит на помеле
этот дикий праздник.
Ветер дует по земле,
ветер неприязни.
проступает на челе
пепельная мета.
Для чужого на челне
не найдется места.

****

Расставанье осилю не скоро,
но словами расскажешь ли всё?
Натянуть бы ослиную шкуру,
перемазать бы сажей лицо.
Быть похожею, быть незнакомой,
а желанной не быть никому,
и стремиться под камни, под корни,
в ту сырую холодную тьму,
чтобы там, отдаваясь процессам
растворения в чреве земном,
позабывать, что когда-то принцессой
я была в королевстве одном.

Лариса Ратникова "Сонечка Репьева" (Эскизы костюмов) Перо. Тушь.

АЛЕКСАНДР РЯЗАНОВСКИЙ

РАЗНОТВОРЧЕСТВО

Киты
(так говорят)
Поют метафоры
                                о тайнах
Глубины

А птицы —
Неба.

Возможно ли
Тогда,
Что муравьи
Сигналами,
Немым дрожаньем
Щупалец творят
Поэзию
                                земли?

Что пауки —
Поэты паутины?

А люди? Мы?
Чиним, чиним
Себе стихи

Стихи воды
И неба
И земли

... и
Человеческой,
Ужасной,
                                нашей
Паутины.

АЛЕКСАНДР РЯЗАНОВСКИЙ

"ОДА КАССАНДРЕ": АНТИСТРОФА

Ты прав, Ронсард!
Хотя бы потому,
Что жизнь
Прекрасного цветка
Кончается
В исходе дня.

И роза
          (как любовь твоя?)
С закатом солнца погибает.

Ты прав, Ронсард!
Твои слова
И мысль твоя:
Природа
          нам не мать
А мачеха...

Ты прав, Ронсард!
Жизнь наша
Слишком коротка
Как цвет любви
... и жизнь цветка.

Но всё ж,
Предпочитал бы я
Единый только день
Прожить
Чем никогда
Не видеть красоты
Цветка

Не знать ни вечера
Любви
И не утра!

АЛЕКСАНДР РЯЗАНОВСКИЙ

ЕВРАЗИЯ

Скажи, историк,
В чьи века

Случилось это всё,
Когда?

Казалось бы
Давным-давно

А может быть
Всего вчера...

Нахлынула на нас
Орда

И пали наши
Города

И были мы
Покорены —

А наша кровь,
Струясь, текла

Текла часы?
Текла века?

И утолила жажду
Золотой Орды...

Но вместо Ханов
Стали мы

Глядеть на мира
Очаги

Захватчиков —
Степных Владык! —

Червонными
Очами.

АЛЕКСАНДР РЯЗАНОВСКИЙ

ТИТУЛ

**Космополит
За рубежом
Везде живет
Как дома!**

**Но, чтобы
Эту кличку
Заслужить —
Он также
Должен жить
В своей стране,
На родине,
Как дома.**

ТАТЬЯНА МАМОНОВА

Взялся рассветам
лик твой
планета неведомая.
Легу тебе я встречу
непокойной
с трепетом крылом
в предчувствии
обладанья опасливом.
Касаюсь осторожно
звездосвода твоего
в угасаньи его сизо-рдяном
Юница ослепшая
разлучилась я
с твердью земною
ради звездой
твоей красоты отстраненной

ТАТЬЯНА МАМОНОВА

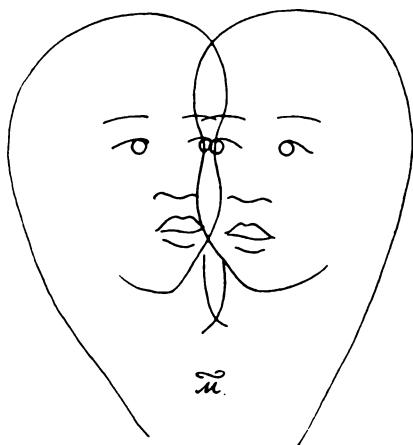

Возрождение на грани забот
Возрождение на грани простуды
Когда тонешь и вдруг
рядом
Борис

Когда песней повеет оттуда
Возрождение - судьбе переколот
Возрождение - себе вознаграждение
Этой тихий и мощный аккорд
Этой мужской вознаграждение!

ТАТЬЯНА МАМОНОВА

Слишком много сходства
Между нами
чтобы мне тебя
не испугаться
Мы когда-то были
ведунями
но исчезли с запахами акаций
Стали мы отныне
двойниками -
двойственностью твою
во мне струится
Только пожелтевшие страницы
наших душ
сокрыты дневниками.

ЮРИЙ АСТАФЬЕВ

****

Так любим мы
Загадок темный взгляд
Огонь
    проникновенных откровений
Мгновения отдалений
Мгновения близости
Близка
Немыслимая невозможность
Далек
    далек
Души открытый сад.

1992

****

Хотим чудес
Ждем появления Мессии
Ловим
    эфира звуки из глубин Вселенной
Готовы
    принять гостей инопланетных
Верим
    верим
        верим до поры
Когда в лохмотьях
        мимо
Пройдет
    гром истины во взоре
Иисус новоявленный
Ужаленные неприятно
        мы отвернемся
Но для нас
    не с нами вровень
Чудес зияющая простота...

1992

ЮРИЙ АСТАФЬЕВ

****

Она
Водолей
Волей-неволей наполнен до края
Грай птичий
                                волн грохот
Хотеть-нехотеть
                                опустить-опустеть.

Она
Любодей
Делить полюбовно пир собранный
Брать горстью из чаш и сосудов
Судить и судачить о вкусе.

О ней
                        не о ней
О неге пустынных полей
Где полет утомленный
  странных птиц
Рань беззвучных восходов.

В долине обильной
Ключами кипит
Подземное чрево
Напоит
                        от жажды умрешь.

1992

****

Громадное дерево
Забыв о своем возрасте
Цветет легкомысленными колокольчиками
И всё вокруг становится сиреневым
Трава
Воздух
Свет и сумерки
Но дерево
                                остается старым и серым.

ДАНИИЛ СОЛОЖЕВ

Э. Багрицкому

Лишь только над портом
заря разгорится,
Одессу окутает
розовым светом —
мне кажется — рядом
проходит Багрицкий
и море взволновано
встречей с поэтом.

Ударится чайка
крылом белоснежным
о пенные волны
и с криком отпрянет.
Холодное море
восторженно, нежно
поэту в глаза
вдохновенные глянет

и в них отразится.
И хлесткою строчкой
раскрошится пена
на стопке бумаги...
И Джон разбушуетя,
славленный бочкой,
и судно поднимет
пиратские флаги.

ДАНИИЛ СОЛОЖЕВ

И ты очаруешься,
влюбишься в море,
как он, и как я,
что пишу эти строки.
Мы рокоту волн
бесконечному вторим,
гуляем по порту,
заходим на доки.

Здесь всё нам знакомо:
причалы и тросы,
канаты и мачты,
работа лебедки,
и ветром избитые
лица матросов,
и запах смолы,
табака и селетки.

Лишь только над портом
заря разгорится,
повеет лиманами,
солью и ветром,
мне кажется — рядом
проходит Багрицкий
и море взволновано
встречей с поэтом.

ДАНИИЛ СОЛОЖЕВ

Н. Ошаниной

На сердце ложатся
холодные ночи,
и кажется путь,
как тоска, бесконечным.
На небо взгляну —
те же звездные очи
в мерцаньи туманном,
пугающем, млечном.
Путей неисхоженных
много на свете.
Я в них затерялся,
запутался, — Боже,
вели, чтоб на самой
далекой планете
мне ангелы свили
спокойное ложе.

****

Слышишь плачи,
стенания, всхлипы.
Слышишь страшный,
пугающий стук...
Это счастье хоронят липы,
липы счастье хоронят, друг.

За дождливой
туманной пряжей
не видать из окна ни зги.
Лес в последний наряд
наряжен,
и октябрь леденит мозги.

Скоро, скоро по грязной
дороге в темноту,
в ледяное жильё,
застревая,
проташут дроги
неизвестное имя мое.

Даниил Соложев

Композиция

Перо. Тушь.

НАДЕЖДА КРАИНСКАЯ

* * * *

Мой круг —
одиночество
старый
фонарь,
усталые
листья
в саду
за углом.
Мой круг —
это Вы,
"человек
с рюкзаком", —
так женщина пела,
черна, как Агарь.

Мой круг —
это люди
вне круги своя.
Потерянно
что-то
как будто
найдя,
страдают
без слез,
признаются
без слов,
меня
любовь
на свободу
бродяг.

НАДЕЖДА КРАИНСКАЯ

Мой круг —
                                это прихоть
безмужья
                                в моей
готовой
                                постели
с веселым
                                бельем.
И глядя
                                сквозь призму
лучистых
                                огней,
шептать:
                                Где же ты,
"человек с рюкзаком?"

****

Неприкаянно бродит
                                во тьме
отраженье далекой
                                звезды.
Заклубился
                                серебряный
дым,
                                конфети
                                отсылая
зиме.
Где-то сани
                                в амбаре
стоят.
Отдыхает
                                широкая
                                печь.
И Аленушка — косы до пят —
                                шьет кокошников
тихую
                                речь...

НАДЕЖДА КРАИНСКАЯ

****

Сильно,
        сильно
        прикована
        к ним, —
к бледным
        вспышкам
        вечерних
        огней.

Вновь иду
        переулком
        немым
вдоль нечастых
        тоскливых
        ветвей.

Вновь
        сквозь губы
        вдыхаю
        тайком
запах
        палой,
        опрелой
        листвы;
и потом
        за худым
        камельком
полушалок
        сушу
        с головы.

И веселый
        мой ужин
        простой, —
дым греночков
        и новый
        наряд, —
притуманен келейной
        свечой,
словно век
        или вечность
        назад.

НАДЕЖДА КРАИНСКАЯ

****

Я на пороге.
Ты слышишь,
ты
слышишь,
мой в деревянных
ступенечках
дом?
Срезом дощатым,
как прежде,
задышишь,
боль заглуша
заговоренным сном.

Вот я к тебе,
после знойных
скитаний,
шаткой походкой
в объятья пришла.
К щелочке круглой
прильнула устами, —
к той, из которой
сочится
смола.

Тихо легла на твои
половицы.
Вместо подушки рука
под висок.
Серое кружево
начало
витья.
Видно,
вселяется
к нам
паучок.

БОРИС ВЕТРОВ

****

А мы с тобой
обречены
на счастье,
как на муку,
И вновь сердца
освещены
нежностью
друг к другу.

****

Может, это совсем неплохо:
наши рассветы,
наши планеты
на расстоянии — вдоха.

****

Оглянусь,
и увижу дорогу —
Жизнь,
что прожил свою
не во мгле,
Помолюсь
и скажу:
Слава Богу,
что когда-то
я жил
на Земле.

БОРИС ВЕТРОВ

****

Ах, эти сладкие грехи, —
Но их всё меньше, меньше:
Писать туманные стихи,
Любить красивых женщин.
Умыться утренней росой,
И окунуться в небо,
И стать на миг чужой слезой,
Последней коркой хлеба.

****

Осела пыль исхоженных дорог,
и мне теперь
писать лишь о былом.
И падает звезда
на мой порог,
как птица
с перебитым вновь крылом.

АНДРЕЙ ГРИЦМАН

****

Всегда в деревья смотрят наши окна.
Где бы ни жить, где бы ни ждать известий.
Гул проводов, мерцанье писем, листья.
Поэтому нам так неодинок.

Со всех Мещанских, быстротечных в марте,
через таможни, тамошних и здешних,
по океанам, тем, что нет на карте,
плывут слова из наших уст, из грешных.

Через моря соленых одиночеств,
забытые слова из песни долгой,
потерянные между днем и ночью,
там, в музыке пульсирующей боли.

В фонарном, снегом отраженном блике,
блуждающем, судьбу уже наметив,
кого-то дальнего, в стране еще безликой,
кого-то данного, Бог знает, где на свете.

Нью-Джерси, 17 января 1993

АНДРЕЙ ГРИЦМАН

****

Уже не помню откуда.
Из июльского утра?
Трамвай звенит вдоль ограды
по трещине переулка.

Деревьев сумрачный шелест,
хранителей душ заблудших,
проходим застывшим шепчет
о временах минувших,

о сердце, что бьется незримо
к истокам своим, к колыбели.
Чтобы туда вернуться,
когда холода ослабели.

Ехать в трамвае долго
вдоль ограды больничной,
фасада старого морга,
мимо полян земляничных.

И где бы ни оказаться,
и где б ни вкушать обеды
из рук бескорыстных женщин...
Время залечит беды.
Только его всё меньше.

А на девичьем поле,
абрисом мутно-серым,
знакомая местность боли
курится, как лес горелый.

Грохочет попеременно
вагонная вереница.
Поздно. Мы медленно курим.
Вспышками тают лица.

Июнь 1991 г.

АНДРЕЙ ГРИЦМАН

ВЕЧЕРНИЙ ПОЛЕТ

Ты когда-нибудь видела
  черного облака дух,
Что буззвучно скользит по закатному шелку?
Там, в безумной дали, где теряются зренья и слух,
Замыкается круг.
В его центре вершина горит одиноко и долго.

В светлой выси легко, еще тлеет закат,
Манит запад почти догоревшей надеждой.
Над бессонницей мира, над болью и смертью — легка,
Птица жизни и облако черное рядом, как прежде.

Мы летим по закату и в ранней ночи
То играют моря, то рождаются лица.
Сумерки сентября поглощают лучи
На погасшей земле, за неявной границей.

Одиночества ночь, что казалась пустой,
На крутой высоте отзывается силой.
То играют зарницы, как в камере той
Блики солнц на высоком челе Даниила.

Письменами струится речная слюда.
Еле слышно поет у излучины кто-то.
Одинокой душой пролетела звезда
Непогасшим окурком с борта самолета.

1991 г.

АНДРЕЙ ГРИЦМАН

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

ВЕНЕЦИЯ

Я был разбужен.
Но не утром.
С туманным маслянистым гудом
вниз по каналу ночь текла.
Венеция, отражена
каналом лунным, замирала,
и где-то пели и мерцала
звезда республики стекла.

А рядом Босния горела!
Сирены дальний глас взывал:
О кто же мы, куда нас гонит?

Европа мечется и стонет,
шепча последние слова.

****

В наброске матовом струится
размытость петербургских зим.
Два образа соединиться
стремятся в общности причин.
Но в странном противостоянии,
сквозь горечь чум, столетий гарь
зияет опустевшим зданьем
единый город-государь!

Владимир Шаталов

"Сила погибели"

Акрилик

ВЛАДИМИР ШАТАЛОВ

1993:1943

Михаилу и Виктору Лазухиним

Прибой рокочет,
пенится, кипит.
Страсть и гнев. Чаек крик —
мир сокровенный кажет лик
в безбрежных водах, в синем отраженье
неба. Оно иное
в ночном настрое
вкруг стен и окон и стаканов на столе
среди именин в воображаемой игре
очертаний цвета, как того хотелось.
А утром зеркалу — вопрос:
где душа теперь, где тело?..
Но коль закончено бритье-с,
иди. Полно ведь улиц, смеха, лиц,
огромный город свой кажет лик
любви и братства
в бело-черно-красно-желтых платьях
и за кисти время браться,
за перо, подыскивая
поиностранный слово.
А в памяти восходит снова
без края степь. И жаворонка песня
глинковская в небе. И оно иное
и в душе иначе поет.

Сорок третий у нас навсегда.
Падали листья и ветер
уходящим дул вслед
поездам.

ВЛАДИМИР ШАТАЛОВ

****

Свет погас.
Нету света.
Ветви мечет ветер,
в окно бьет потоками дождей,
а над крышей
охаёт и стонет некто
страшный. Подсознанием слышу:
из прапамяти от всех зверей-смертей
пещерные вползают страхи
в душу.
Душно.
Чтобы времени прикосновенье не утратить
свечу зажег, как тому полвека
в темноте под вой снарядов и человека,
только что рожденного, невнятный писк
среди обломанного дома.

Свет погас. Нету света.
И страшно так.
Страшно снова.

****

Луны восходят, луны проходят.
Как вечность стоит над песками черная меза,
лето индейцев на наше на бабье похоже,
а луны проходят, меняют погоды —
похуже когда,
когда и погоже.
Словно бегу серебром паутинки
в дальнюю даль по призрачной дымке...

Не увижу тебя никогда я, Россия,
но как ты красива!

ВЛАДИМИР ШАТАЛОВ

ИЗ ДНЕВНИКА

Ты, мое столетие!

Иван Елагин

Не жду ничего:
только сны
о ночах над лугами,
о запахе сена,
о мерцаньи сиреней
в звездных свиданьях
подруг и друзей.

Дороги...
Всё снятся дороги,
обгоревшие камни,
глаза палачей,
плач матерей.

Столетье мое...
Причастность моя
и — Причастье.

Люблю и клянусь.

Другое не жду —
грядущее в яде
расплавленных ядер.

ВЛАДИМИР ШАТАЛОВ

****

Говорила птица ветру:
сядь со мной на ветку
и полетим. И полетела.
А ветер отчаянно стал
швыряться опавшими листьями —
он слышал выстрелы,
он видел как птица билась в облаке...
И мертвой лежала на каменном выступе.
Потом люди изваяли на нем летчика
и коленопреклоненную женщину,
воздевшую к облаку руки
и написали скупое,
как последнюю обойму выпустив,
летчик каменный разбился
на этом выступе.

А руки каменной женщины
казались крыльями.

АЛЕКСАНДР ПЕРЧИКОВ

****

Июль. Столица. Электричка.
Дыханье лета горячо,
А рядом девушка, москвичка,
Ко мне склонилась на плечо.

Она склонилась — и уснула.
О, как тонка меж нами связь!
Средь зноя, грохота и гула
Я буду ждать, не шевелясь.

Кто снится ей в чаду вагонном,
Когда она, склонясь ко мне,
С лицом счастливым и влюбленным
Вдруг улыбается во сне?

А за спиной ведут беседу,
А мне — вставать и выходить,
Но я сижу. Молчу. Я — еду,
Чтобы ее не разбудить.

Она проснется — и растает,
Забудет даже, что спала,
Уйдет, исчезнет, но оставит
Частицу своего тепла.

АЛЕКСАНДР ПЕРЧИКОВ

****

Мы расстаемся. Шум вокзальный,
Колес железный перестук,
Твой взгляд — растерянный, прощальный,
Последний взгляд. Последний звук.

В последний раз стоим мы оба,
Морозный вечер. Мы — молчим.
На фоне синего сугроба
Твой силуэт неразличим.

И ты сливаешься с круженьем
Снежинок, с гулкой синевой,
Со всем сиянием, скольженьем
Соединился облик твой.

Вечерний свет по небосводу
К тебе спускается, скользя,
И на тебя, как на природу,
Никак обидеться нельзя.

И мне запомнится звучанье
Колес, секундной стрелки бег.
Зима. И вечер. И молчанье.
И этот, к нам летящий, снег.

АЛЕКСАНДР ПЕРЧИКОВ

****

Деревьев живые ладони,
Омытые влагой дождя.
Устав от борьбы и погони,
На вас оглянусь, уходя.

Бывают такие минуты —
В осенних лучах золотясь
Вступают листов парашюты
С душою в незримую связь.

И тянутся голые ветки
Над стертой ступенькой крыльца
Сквозь тонкие прутья беседки,
Касаясь волос и лица.

Январскую встретим ли вьюгу,
Придет ли иная гроза —
Протянем же ветви друг другу,
Заглянем друг другу в глаза.

Пьянящее чувство полета
Сильнее обид и тоски.
Осенней листвы позолота
Прохладою тронет виски...

АЛЕКСАНДР ПЕРЧИКОВ

****

Мы с тобой — перелетные птицы,
Мы проникли, не зная границ,
Будто солнечный свет сквозь ресницы,
Через заросли взглядов и лиц.

А когда мы отбились от стаи,
И метель по земле замела, —
Наши крылья от ветра устали,
И душа захотела тепла.

Ощущая дыханье друг друга,
Провожаем на юг поезда,
Но сильнее притяжения юга
Притяженье родного гнезда.

Никуда от него нам не деться,
И галдят, и зовут без конца
Опьяняющим запахом детства
Два беспомощных, милых птенца.

ВАЛЕНТИНА СИНКЕВИЧ

ВОРОН ЭДГАРА ПО

А ворон всегда старался быть рядом
с поэтом Эдгаром По.

Птица знала, что дом был адом,
что автор болен, тоскуя по

ярким зорям души и тела,
по славе, в которой ликуют слова...
А в доме свеча бессонно горела
и раскалывалась голова.

Ворон похож был на вещую птицу,
но говорить он умел лишь одно
слово, попавшее на страницу
и затем опустившееся на дно

души больного поэта. В стакане
вино допито... Аннабел, ты?
В бредовом полночном обмане
девушка редкостной красоты

приходит в саване. Никого — дома.
Спит Филадельфия, объятая сном.
Поэт страдает. Неземная истома
похоронным звоном отдается в нем.

Он любит безумно эту мертвую фею.
Но ворон всё время твердит одно
слово, навсегда разлучающее с нею.
И улетает в закрытое окно...

Поэт поднимает тяжелые веки —
в комнате тихо, темно,
будто гробница, замураванная навеки.
Но ворон влетает в закрытое окно.

22 февраля 1993

ВАЛЕНТИНА СИНКЕВИЧ

ПУСТЫНЯ

О, пустыня, пустыня. Редкие пальмы
да песок, да горячего зноя страда.
Как попали в эту бесплодную даль мы?
Вопрошаю: как мы попали сюда?

Как от дома — в желтую эту пустыню?
Мучит жажда и в горле колючий песок.
Здесь в пустыне пророки смиряли гордыню
и брели караваны от смерти на волосок.

Раскаленное солнце жжет раскаленным железом.
Как пророка слова, беспощадны лучи.
Среди этих песков, под этим расплавленным небом,
нет времени года, когда прилетают грачи.

Только сорок есть лет. Сорок дней есть.
О, пустыня, где жил и молился Господь,
где брели караваны, на Бога и чудо надеясь.
О, пустыня, душу и нашу не обесплодь!

Прорасти и у нас живое зерно надежды.
Жребий тяжек. И путь наш далек.
Но идем, не смыкая усталые вежды,
след печатая в желтый горячий песок.

ВАЛЕНТИНА СИНКЕВИЧ

ВАШИНГТОН

Били все орудия. Валлей Фордж.
И дорога к белому, как скатерть, дому.
Триумфально выли трубы: Джордж
Вашингтон. Присягаем только Вашингтону!

Молодые ратники и старики-
генералы, битвой умудренные и славой,
собрали тринадцать звезд и нарекли
их первой и свободною державой.

Вашингтон. А я при чем здесь? Я —
из другого дня, другого мира.
Вот мой новый дом, моя семья.
И моя поэзия — моя чужая лира.

Вашингтон. А я при чем здесь, Вашингтон?
Марта иронически сжимает губы:
почему покинут старый дом? —
почему молчат о старом трубы?

Почему двуглавый спит орел?
Марта закрывает окна в Белом Доме...
Первый флаг. Свободы ореол.
И победа в колокольном звоне.

Надрываясь, колокол звонил, звонил,
заглушая ружья, глушая речи.
Из последних колокольных сил —
Вашингтон — звонил он и о нашей встрече.

Владимир Одинок

"Венецуэлка"

Акрилик

ЕВГЕНИЙ ЛЮБИН

****

Ты сопереживаешь каждому —
Каждый — кусочек Тебя,
И в Тебе — частица каждого.
Ты страдаешь, когда тот страдает,
Ты умираешь, когда другой умирает.

В Тебе все беды и болезни других.
Ты смотришь вокруг
и мир отражается в Тебе.
Мир смотрит на Тебя и Ты —
частица этого мира.
В Тебе — весь мир, как в детородной клетке
человечество.

Он слеп и Ты страдаешь вместе с ним,
Ведь и Ты бываешь слеп в темноте
или ослеплен ярким светом.
И Ты закрываешь глаза
и двигаешься наощупь —
Теперь и Ты слеп, как слеп он, другой,
Как все слепцы мира...

Ты нем, как твой безъязыкий брат,
Ты нем, когда нет слов
чтобы выразить себя,
Когда Ты немеешь от гнева,
когда Ты немеешь от счастья.
Руками и телом Ты говоришь.
когда не хватает слов...

Ты глух до боли в ушах,
до страшного визга и звона —
Ты глохнешь от шума моторов,
от какофонии звуков.
Ты глух, как глухая старуха,
как от рожденья немое дитя...

ЕВГЕНИЙ ЛЮБИН

Ты страдаешь за них и
    порою хочешь быть глухим,
    порою хочешь быть немым,
чтоб не высказать гневное слово;
    ...быть слепым,
чтоб не видеть страданий людей...

Я не знаю, бывают ли те,
    кто не чувствует боли,
Боли своей и чужой.
Никогда не понять мне того,
    кто живет не страдая...
Я не верю, что это возможно.

Если Ты слеп, или нем, или глух —
    Ты еще жив,
Если боли не чувствуешь Ты —
    значит — Ты мертв...

Я хочу, чтобы было мне больно —
за Тебя, за него и за всех.
Мне больно — значит я жив.

Если чувствуешь боль за себя —
    Ты единожды жив,
Если чувствуешь боль за другого —
    Ты жив, этой жизнью другой.
Если тысячи болей в Тебе —
    за всех, кто страдает, то Ты...
Живешь тысячи жизней,
    потому что
    в каждом Другом — частица
    Тебя самого...

ЕВГЕНИЙ ЛЮБИН

****

Стихи, как всплеск весла,
Как молнии простриг,
Как шелест ветерка —
В них ценен только миг.

****

Как объяснить всеилие ребенка?
Он правит миром, словно сам Господь.
Он сам — Начало, сам — от плоти плоть,
Быть может Ангела, а может быть Чертенка.

****

Чем мерим мы любовь и прямоту?
Мы мерим их ребячьими глазами,
Их первым криком, первыми слезами
И прячем совесть, словно наготу.

НИНА КОСМАН

Марине Цветаевой

Захлебнувшись бездонной волей,
обеспамятев от безсна,
безумной страстной крамолой,
речью деленной на
душно-слепую нежность,
бешено бьющий ток
слов, расположенных между
нежности между строк,
неусыпных ночных радений
слова (Атланты — в миф);
неистовым Гиппоменею
в хитоне из конских грив
догнать бы солнце мольбою
о прощении, в мишень
целясь золотой божбою
к взлетевшей твоей душе.

Марине Цветаевой

Ты державную рану всю отдала
и чан переполнен. Занавес —
в пламени и скоро — до тла,
и от лица — лишь абрис
духа, вкренившегося в за-звездный плот
веков, полоненных твоим соседством,
тобой превращенных в сплошной потоп,
твоей души заразившись действием.
Зала мертва от сновиденных трав,
но воскреснет в бегущих ландшафтах —
срыв души, готовой на сплав
с душой своего таланта.

НИНА КОСМАН

****

От тревожного света ночных фонарей просыпаясь,
Глядишь, не мигая, в холодные улицы сна.
В северный воздух, как рыба, ныряешь по пояс.
Память бедного детства: холод и белизна.

Покинутый город в пышных снегах затерялся.
Не поют о нем даже скальды, запивая вином.
Помнит о городе лишь сновидец печальный:
Здесь, где кончается лес, стоял его дом.

****

Ветер в окно мне заносит чужие грехи
Незамоленные, не переложенные на стихи,
В которых долго кто-то кого-то надсадно зовет.
Непонятен мне сих неожиданных гостей залет.
Если б я знала, если б могла от влетевших уйти,
От взметнувшихся вспять, несущих страсть впереди
Как флаг, самих же себя обгоняющих в такт.
Запереть бы окно и вышвырнуть их в закат.
Вижу ухмылку их, распушенность рта и глаз;
Вижу, готовы пуститься в брыкливый джаз.
Закрываю окно, за шкирку их и — вниз.
Но кажется, уцелели, зацепившись хвостом за карниз.

НИНА КОСМАН

****

Видишь, как чайки сонно,
медленно, сонно кружат,
крыльями нежно машут
над красной глиной у озера,
глиной, из которой греки
лепили узкие вазы
с узором из быта богов
(владеющие тайной смерти,
ей оказались подвластны) —
боги из красной глины
у озера сонных птиц.

****

Нет в говореньи стихами
Пререканья низин и высот.
Есть повесть высот — в хламе.
В живом воздухе есть азот.
Есть в рифмах круженье соков,
Головокруженье лесов — в слезах.
И, напрочь отброшена оком,
Рифма слух повергает в прах.
Есть в смятеньи шагов парных
Невольно — дыханье врозь.
В ожерелье рифм янтарном —
Крылышки мертвых ос.
Есть в молчании мертвых —
Живых голосов гам.
Так, молчание жертвы —
Ежедневным стихам храм.

НИНА КОСМАН

****

Вот она, видишь, льется,
живая вода ручья,
живая вода сказок,
для всех она и ничья.

Никого не оденет в золото,
никого на спасет от безсна,
живая вода сказок,
медленна и ясна.

Видишь, как ласково льется,
льнет к холодным рукам,
живая вода сказок —
Чур меня! Исцелись сам.

****

Присутствие тени
в отсутствии сна.
Разделение
бессониц на

смятение тени
и томление дней.
Нетерпение
стать ничьей.

Молчание тени
в присутствии слез.
Низведение
нелюбви в невроз.

БАСНИ МИХАИЛА ЧЕРКАССКОГО

КАПЛЯ

Рассуждала Капля в море
После шторма одного:
"Здесь я в море, как в неволе,
Обойдусь и без него!"

И от моря отделилась.
Был недолог ее срок:
Капля частью испарилась,
Часть ее ушла в песок.

.....

Эфемерная свобода
Иногда влечет умы...
Оторвешься от народа —
Станешь каплей без воды.

Май 1993

БАСНИ МИХАИЛА ЧЕРКАССКОГО

ЛИСА И ЕЖ

Лиса красавицей была,
Но досыта давно не ела.
"О Боже, как я похудела!", —
С тоской подумала она
И вдруг почувяла Ежа.
Он тут же под кустом сидел
И страстно на нее глядел.
Еж, заворожен красотой,
К ежихе не спешил домой.

"А вот и у меня еда," —
Тотчас воспрянула Лиса,
Тихонько губы облизнула,
И быстро морду в иглы ткнула,
От боли взвизгнув, отскочила
И завертелася юлой.
"Ах, колешься ты, Ежик милый,
Своею жесткой бородой.
Ведь ты мне нравишься, признаться.
На радостях, что ты пришел,
Хотела я расцеловаться,
А ты мне губы исколол."

Наш Еж от рыжей без ума.
Не поняв хитрости Лисицы,
Он поспешил скорей побриться,
Чтоб не колола борода.
И видит хитрая Лиса:
К ней Еж в объятия катится.
"Ах милый, ты решил жениться!" —
И съела бритого Ежа.

.....
Читатели, судите сами:
Лиса, как будто в дружбе с вами,
Проникнет в бизнес, в дом войдет,
Чтоб позже съесть вас с потрохами.
Но если сами вы с усами —
То Лисья хитрость не пройдет.

БАСНИ МИХАИЛА ЧЕРКАССКОГО

ВОЛК И ЗАЯЦ

Волк обходил свои владенья —
К нему вдруг Заяц подбежал.
Косой от страха и волненья,
Как лист осиновый дрожал.
"Великий Волк, твоей защиты
Меня послали попросить:
Своих чиновников уйми ты —
У них такие аппетиты,
Что стало невозможно жить:
Взвинтили до того налоги,
Что мы вот-вот протянем ноги.
А Лисы, эти душегубы,
Живьем сдирают с зайцев шубы —
Они нас, что ни день, едят
И требуют к столу зайчат."
Матерый Волк взрычал: "О Боже!
В обиду подданных не дам!
Сейчас же я указ издам,
Чтоб виноватых наказать построже.
Пусть знают: Волк ваш не бездушен,
Не даст Лисе превьисить власть!" —
И тут же Зайца взял за уши
И пряником отправил в пасть.

Лису и Волка вы узнали,
А что касается морали —
Ее-то зайцам не найти,
Дай Бог им ноги унести.

Март 1993

БАСНИ МИХАИЛА ЧЕРКАССКОГО

БУРИДАНОВ ОСЕЛ

Меж двух стожков зимой холодной
Бродил в степи Осел голодный —
На сено он нечаянно набрел.
Послал ему Господь удачу!
Но он, судьбою озадачен,
Не сразу к сену подошел,
А стал, бедняга, вычислять
Откуда трапезу начать:
Быть может то, что справа съесть?
А может — слева предпочесть?
Вот, если б знать определенно...
А сена запах утонченный
Ослу щекочет ноздри, рот,
От голода свело живот...
С чего начать, решить не может:
Вот слева сено, справа тоже,
И расстояние одно.
Пока решал Осел упрямый —
Сорвался ветер ураганный
И мигом сено унесло,
Оно исчезло с ветром вместе.
Ослу, бедняге, поделом:
Быть Буридановым Ослом
Даже Ослу не много чести.

Не пожелаю никому,
Чтоб уподобился ему.

ВИКТОР УРИН

ПОЭМА ДОЛГОЛЕТИЯ (из Эпоса «12 Плачей»)
(Окончание. Начало см. во «Встречах» 1992)

12.

Могу я для избранных заряд нести,
для тех, кто свой выстраданный опыт
с моим считает.

И — торопит.

И вот,

я включаю в некий срок
(спасибо, что Люди торопили)
рубильником стихотерапии
в сети моего А в т о к и н е з и с а
целительный ток.

13.

От тезиса / - - до тезиса
- / - - / - - - пропись
- / - - / - - - пропасть
- / - - / - -

пропасть

Сумев победить, быть может
в малом

- / - - / - - - / -

колечками дыма - - / -

расставшийся с дымным ожерельем

Но это - / - - - подвига

лишь первая часть.

14.

Мы — были.

Но вынужденно выбыли
оттуда, где что-то мы хотели.
За это — во имя той же цели —
возьмем покрупней, чем в прошлый раз.
Умей же при худшем отстраненьи

ВИКТОР УРИН

подняться на лучшие ступени.

При этом скажи себе:

— Да здравствует
полезный отказ!

15.

Пусть кое-кто позлорадствует.
Мы скажем спасибо при утрате
за то, что научимся в отраде
потерей своей — приобрести
отвагу, свергающую робость,
когда наши недруги, озлобься,
отказами — делают нам доброе
в недобром пути.

16.

За это!

За то, что мы подобраны
и многоотзывчивы, как призма,
где новые грани оптимизма
заметней,
чем глубже ранят нас.
Нам ветрами радостной печали
дышать на отказном причале
и славить
в снастях попутной прибыли
полезный отказ.

17.

Мы сами себя из ритмов выбили
из четко задуманного плана —
...Как дерево огненное пламя
ветвилось,
сжигая без следа.
О том и печаль. О том и речь-то.
Задумав — не выполнили нечто.
Забыто. Покинуто. Отброшено
черт знает куда.

ВИКТОР УРИН

18.

Секунда — проросшая горошина —
порой плодотворней почему-то,
чем некая сонная минута.
Минута порой видней, чем час,
а час — подлиннее, чем неделя,
но в пьяных желаньях без похмелья
себе-то мы сами назначили
трезвый отказ.

19.

И так ли, подумаем, иначе ли —
всё в наших руках или не наших,
в хватающих или не поймавших
ни разу желаемых жар-птиц?
Порою отказы так суровы,
что мы погубить уже готовы
самих же себя, явившись в образе
наемных убийц.

20.

Но вот мы ушли из некой области,
где вроде успев — мы не успели
и ныне — гораздо ближе к цели —
нам взять покрупнее —
в самый раз.
Спасибо же всем, кто отказали,
коль в радости мы, а не в печали
воскликнули искренне:
— Да здравствует
полезный отказ!

21.

Когда-то я сильным был и, властвуя,
учил отключаться от страданий.
Лишь смертный уход (особо ранний)
причина... тут плачь, от слез давись...

ВИКТОР УРИН

Все прочие потери — не причина
кричать, что скрутила кручина.
"Учись отключаться!" — не мешало бы
принять как девиз.

22.

И, выслушав жизненные жалобы,
друзьям говорю я и знакомым:
ни кража квартирная со взломом,
ни ложь, источающая угар,
ни что-либо в гипсе, ни обида,
ни подлости всяческого вида,
ни деньги, утеранные походя, —
ничто не удар!

23.

И как там ни ахайте, ни охайте
озлясь, в доказательствах потя,
все эти потери — не потеря.
Но!... коль человек нам дорогой
настигнут...в семье...ударом смерти...
зарубки в сердцах друзей, поверьте,
залягут с чертами сострадания
и с острой тоской.

24.

Так встретил я горе друга давнего:
казалось, невидимое шило
как ниткою суровую прошило
всю душу мою, и существо
тем траурным соболезнованьем,
которым мы, люди, не устаем
сочувствовать другу иль товарищу
в потере его...

ВИКТОР УРИН

25.

А в марте — не выросла трава еще,
а в марте — дышали ветры снегом,
а в марте — душа браталась с небом,
а в марте — цветы — на гроб — к цветам

.....
.....

Любимые наши! Ожидайте нас!

Мы встретимся — т а м. —

26.

Встречайся (о смутная гадательность!)

с душою — душа, как с чудом — чудо.

Есть в этой догадке — ниоткуда —
желанное... (Так не откажись!)

Возможно, что где-то... есть примета...

Примета? Какая? Бредни это!

Но что, если жизнь — всего лишь мистика,
а мистика — жизнь?

27.

Во сне мне шепнули: "Я от мистера,
который отныне в лучшем мире..."

. / . . / . . . / .

. / . . / . . Пусть так.

Но, взвесив, скажу, или измеря:

любая потеря — не потеря.

Одна только смерть — удар. Всё прочее —
нелепый пустяк.

28.

Сбывается ль то, что напроносили

цыгане, компьютеры и годы,

и телеграфические коды,

где точки, как пули...шрам — тире?

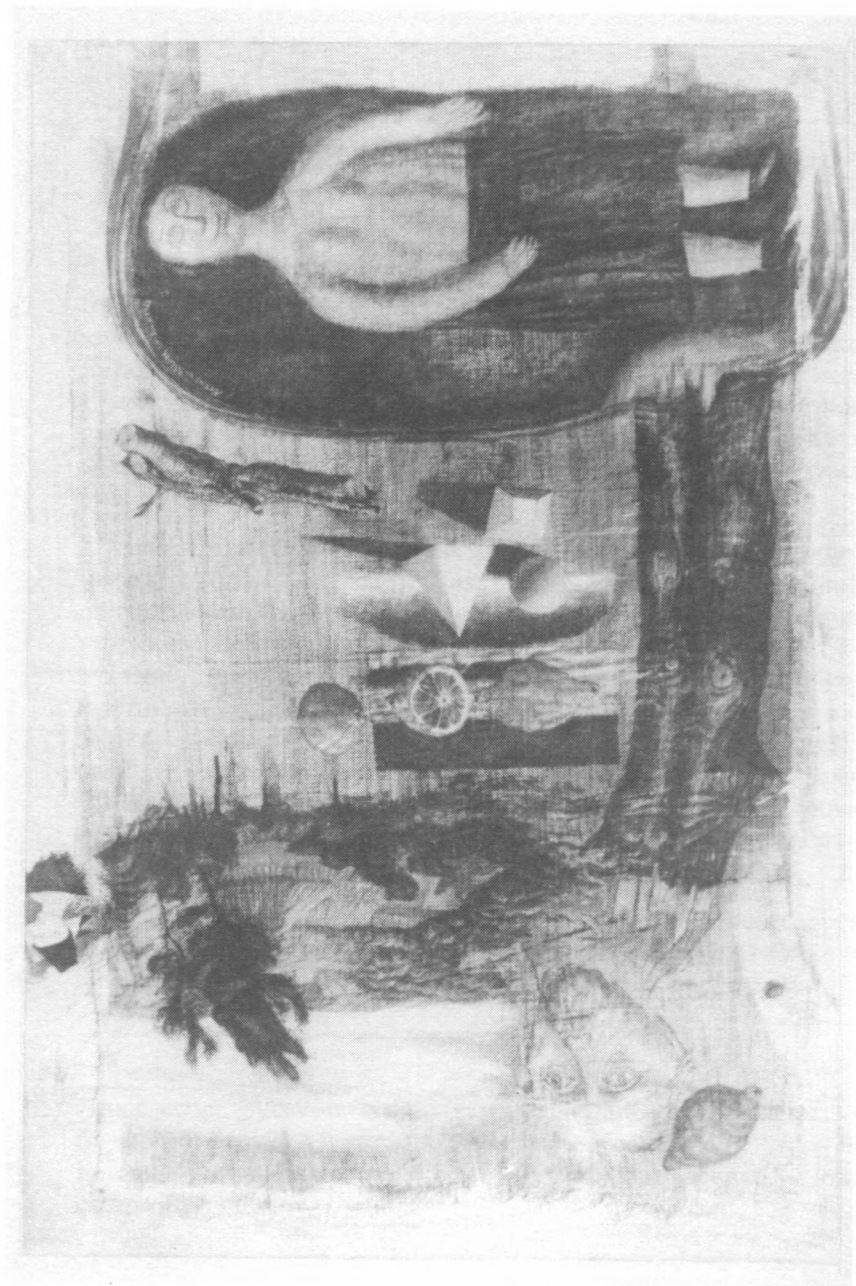
Пусть добрая, светлая аллея

утешив . / . . жалея/

. / . . . жалуя/. . .

Желаю тебе!

1991

Алексей Шлиппе

"Мужчина и женщина"

Темпера

ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

ИРИНА БЕМ

Публикация Сергея Давыдова*

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА БЕМ родилась 13 февраля 1916 года в Петрограде, в семье известного литературоведа Альфреда (в крещении Алексея) Бема. После революции Бемы переехали в Европу: сначала в Белград, потом в Варшаву, а в 1922 году в Прагу. А. Бем преподавал русскую литературу в Карловом университете, жена его Антония Иосифовна преподавала латынь в местной школе, а Ира и Таня учились во французской гимназии.

"Русская Прага" в тридцатые годы была наряду с Берлином и Парижем одним из самых активных центров культурной и политической жизни эмиграции. Здесь находилось несколько книжных издательств, выходил ряд газет и журналов ("Воля России", например), образовались русские университеты, институты и гимназии. Иринин отец, Альфред Бем, основал в Праге "Общество" и "Семинар Достоевского" и издавал замечательные сборники научных статей о Достоевском. Членом "Общества" был Президент Чехословакии Т. Г. Масарик, философ и знаток русской литературы. "Общество" опубликовало его труд о Достоевском "Studie o F. M. Dostojevskem" (1932).

Ирина жила с родителями в так называемом "профессорском доме" в Праге (Бучкова, 597). Здесь в 42 квартирах жило около 80 русских профессоров. В погребке "профессорского дома"

---

*Профессор русской литературы (Миддлбери колледж, шт. Вермонт) Сергей Сергеевич Давыдов — племянник Ирины Бем. Его мать (младшая дочь А. Бема) Татьяна Алексеевна — родная сестра Ирины Бем.

жильцы устроили домашнюю церковь, в которой служил о. Михаил Васнецов (потом Владыка), сын художника В. Васнецова. При церкви образовалась воскресная школа, в которой русских детей обучала проживающая в доме профессура: родную речь и словесность преподавал А. Бем, историю — С. Г. Пушкирев, впоследствии известный историк, и многие другие, чьи имена я не припомню. Для поощрения начинающих поэтов Бем основал кружок "Скит поэтов". Среди членов кружка были Евгений Гессен, Кирилл Набоков (брат Владимира), Алла Головина, Эмилия Чегринцева, Вячеслав Лебедев, Татьяна Ратгауз и др. Сюда приходила и Ирина, которая выпустила свой первый сборник стихов "Орфей", (Прага, 1943 г., тираж 100 экз.).

В мае 1945 года в освобожденную власовцами от немцев Прагу вошли советские войска. Альфред Бем был арестован соотечественниками (СМЕРШ) и, по одним сведениям, расстрелян во дворе пражской тюрьмы, а по другим — покончил с собой, выбросившись из окна во время допроса. Ирина с мужем и детьми продолжала жить в Чехословакии; она преподавала французский язык и латынь в гимназии. Ирина Бем умерла 18 июля 1981 года в Градце Карлове.

Сергей Давыдов

ИРИНА БЕМ

****

Говорят, что я еще молода,
И на девочку будто похожа...
Во время войны и голода
И я постарею тоже.

И будут белые пряди,
И будут морщины вдруг,
И некому будет гладить
Работой сведенных рук.

Накину на зябкие плечи,
Когда стемнеет, платок...
Но голос мой, голос певчий,
Ужели и ты умолк?

Мне Богом дано со слова
Снимать молчанья печать.
За этот дар я готова...
Но впрямь ли, впрямь ли готова
Земные дары отдать?

1941

Подборка стихов Ирины Бем взята из ее неопубликованного сборника "Стихи разных лет". Машинопись книги нам прислал из Чехословакии сын поэтессы Алексей Михайлович Голик, за что мы приносим ему большую благодарность. РЕД.

ИРИНА БЕМ

КИЕВ

Зачем не твоя, о Киев,
Стремительная весна
Навевала мне впервые
Влюбленные бредни сна?

Весна... Разве вёсны такие
Бывают на Западе, тут?
Спит зимнею спячкой Киев,
А к утру весна: бегут,

Летят, спотыкаясь, кубарем,
К Крещатику вниз ручьи,
На улицах снег неубранный
В тенях голубых журчит.

Потоки, грязней, чем с фабрики,
С восторгом несут заразу
На бурых волнах кораблики
И с улиц весенних грязь.

Проспавшись, громкоголосые,
Под толщею снеговой,
Христосуются с колесами
Бульжники мостовой.

И весь этот шум, этот рокот,
Всё к небу, всё ввысь, как хвала,
Всё к тверди, где в синих потоках
Полощутся колокола...

1935

ИРИНА БЕМ

ОСЕНЬ

Какая грусть в пустеющих полях,
В холодной мгле осеннего рассвета...
Как неприветлива и тиха эта
Еще недавно шумная земля.

Какая грусть соседей провожать,
Махать платком в туман сырого утра,
И как ненужно вдруг и бесприютно
Бугрится между двух полос межа.

И вот, готова длинный перелет,
По ниткам-проводам расселись птицы;
И вот уже седой дымок клубится
И прелой гарью пахнет поворот.

И вот уже славянский листопад
Багрянит стены диким виноградом,
И вот душа, ступая здесь и рядом,
Опять бормочет рифмы невпопад.

Но золотыми листьями шурша
Под сенью обнажившихся каштанов,
Я в этот раз ей отвечать не стану,
И побреду бездумно, не спеша,
На ветви глядя черные каштанов.

1940

ИРИНА БЕМ

НА СМЕРТЬ Н. ГРОНСКОГО

Смерть по выбору, смерть не на плахе,
Во взмахе юности светел и чист,
Как к причастию, в белой рубаше
Умирает в горах альпинист.
И пилот с высоты самолета
Обрываясь... Там синяя твердь,
И последнее счастье полета —
Может быть — побежденная смерть...

О, поэт, так ли мнил ты последнюю встречу?
Город, сутолочь, шум, поворот —
И внезапно, и навзничь — убит, изувечен
В подземелье парижским метро!

Или смерть, как любовь, тот же жребий,
И не должно нам сметь,
Не дано даже этой утехи последней —
Выбирать по плечу себе смерть?

1936

ИРИНА БЕМ

ДЕТЯМ

(Сонет)

За то, что из тиши небытия
Ты вызвала две робкие душонки,
До полночи стирая рубашонки,
Не сетуй, не ропщи, не укоряй!

Как молодость ушедшая твоя
Их беготня и смех, и говор звонкий.
Их широко открытые глазенки
Безмерное доверие таят...

Что суждено им видеть, что понять,
Какую ношу, может быть, поднять
На этом зла и страды полном свете?

И ты за них, творец беспечный, мать,
За каждый их недоуменный взгляд,
За их прозреньё горькое в ответе.

1957

ОБ АВТОРАХ

АСТАФЬЕВ, Юрий, Лос-Анджелес, США. Поэт, прозаик. Род. в 1921 г. в Красноярске. Эмигрировал в 1978 г. Публикуется в альманахах и сборниках по обе стороны рубежа.

БАБИЧ, Павел Александрович. Спрингфилд, шт. Вермонт, США. Род. в 1933 году в Ленинграде. На Западе с 1980 г. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

БЕЛАВИНА, Нонна Сергеевна. Нью-Йорк, США. Род. в 1915 г. в Евпатории. До 1944 г. жила в Югославии. Сборники стихов: "Синий мир", 1961; "Земное счастье", 1966; "Утверждение", 1974; "Стихи", 1985.

БЕМ, Ирина Алексеевна (см. стр. 133)

БОБЫШЕВ, Дмитрий Васильевич. Шампэйн, США. Поэт, профессор-славист. Род. в 1936 г. в Мариуполе. На Западе с 1979 г. Сборники стихов: "Зияния", 1979; "Звери св. Антония", 1989; "Полнота всего", 1992; "Русские терцины", 1992.

БОГАЧИНСКАЯ, Инна Яковлевна. Нью-Йорк, США. Род. в 1946 г. в Москве. Уехала из России в 70-х гг. Сборники стихов: "СТИХИЯ", 1983; "Подтексты", 1990.

БУРКИН, Иван Афанасьевич, Редвуд Сити, США. Поэт, скульптор, профессор-славист. Род. в 1919 г. в Поволжье. Уехал из России в 40-х гг. Сборники стихов: "Только ты", 1947; "Рукой небрежной", 1972; "Путешествие из черного в белое", 1972; "Заведу словами", 1978; "13-й подвиг", 1978; "Голубое в голубом", 1980; "Луна над Сан-Франциско", 1992.

БУШМАН, Ирина Николаевна. Мюнхен, Германия. Поэт, эссеист, литературный критик, переводчик. Род. в 1921 г., выросла в Царском Селе. Уехала из России в 40-х гг. Печатается в периодических изданиях по обе стороны рубежа.

ВЕТРОВ, Борис Семенович, Нью-Йорк. Поэт, автор популярных песен. Род. в 1937 г. в Горьком. На Западе с 1979 г. В США выпущены три кассеты песен Б. Ветрова. Сборник стихов — "Струна горизонта", 1982.

ВЛАДИМИРОВА, Лия. Натания, Израиль. Поэт, прозаик. Род. в 1938 г. в Москве. Уехала из России в 70-х гг. Сборники стихов: "Связь времен", 1975; "Пора предчувствий", 1978; "Снег и песок", 1982; "Стихотворения", 1988.

ГАРБЕР, Марина Юрьевна, Денвер, США. Род. в 1968 г. в Киеве. В эмиграции с 1990 г. Первая публикация поэта.

ГОЛЛЕРБАХ, Сергей Львович. Нью-Йорк, США. Живописец, график, эссеист, педагог, автор книг по искусству и двух сборников эссе. Род. в 1923 г. в Детском Селе. На Западе с 1942 г. Член Американской Национальной Академии Художеств, Американского Общ. Акварелистов и др. Представлен во многих музеях и галереях США и Европы.

ГРИЦМАН, Андрей Юрьевич, Нью-Йорк, США. Род. в 1947 г. в Москве. На Западе с 1981 г. Публикуется в зарубежных периодических изданиях.

ЕФРЕМОВ, Андрей Андреевич. Филадельфия, США. Живописец, график, театральный художник, иконописец. Род. в 1935 г. в Москве. На Западе с 1987 г. Участник многих выставок в СССР, Чехословакии и США.

ЗАВАЛИШИН, Вячеслав Клавдиевич, Нью-Йорк, США. Поэт, литературный и художественный критик. Род. в Петрограде. Уехал из России в 40-х гг. Сборник стихов — "Плеск волны", 1980.

ИЛЬИНСКИЙ, Олег Павлович. Нью-Йорк, США. Поэт, литературный критик, профессор-славист. Род. в 1932 г. в Москве. Уехал из России в 40-х гг. Сборники стихов: "Стихи", 1960; "Стихи. Книга вторая", 1962; "Стихи. Книга третья", 1966; "Стихи. Книга четвертая", 1976; "Стихи. Книга пятая", 1981.

ЙОФФЕ, Елена Владимировна. Иерусалим, Израиль. Род. в Ленинграде. Уехала из России в 70-х гг. Сборник стихов — "Когда мне исполнится вечер", 1987.

КОСМАН, Нина Леонидовна. Нью-Йорк, США. Поэт, переводчик, график. Род. в 1959 г. в Москве. На Западе с 1970-х гг. Сборник стихов — "Перебой", 1990.

КРАИНСКАЯ, Надежда Григорьевна, Иерусалим. Род. в Ленинграде. Уехала из России в 1988 г. Публикуется в зарубежных периодических изданиях.

КРЕЙД, Вадим Прокопьевич. Айова Сити, США. Поэт, литературовед, профессор-славист. Род. в 1936 г. в Нерчинске. Уехал из России в 1973 г. Сборники стихов: "Восьмигранник", 1986; "Зеленое окно", 1987; "Квартал за поворотом", 1991; "Единорог", 1992.

КРЕПС, Михаил Борисович. Бостон, США. Поэт, литературовед, профессор-славист. Род. в 1940 г. в Ленинграде. Уехал из России в 1974 г. Сборники стихов: "Интервью с птицей Феникс", 1986; "Бутоны головы", 1987; "Русский Пигмалион", поэма, 1992.

ЛАЗУХИН, Виктор Сергеевич. Филадельфия, США. Живописец, график, педагог. Род. в 1927 г. в Краматорске. На Западе с 1943 г. Участник многих национальных и международных выставок. Член Пенсильванской Академии Художеств, Американского Общества Цветных Эстампов и др. Представлен во многих музеях и галереях США и Европы.

ЛАЗУХИН, Михаил Сергеевич. Филадельфия, США. Живописец, профессор-график. род. в 1923 г. в Краматорске. На Западе с 1943 г. Член Американской Национальной Академии Художеств. Представлен в музеях США, Канады, Бразилии, Англии, Норвегии, Швеции, Польши, Германии, Франции, Греции, России, Испании.

ЛЕВИНЗОН, Рина Семеновна. Иерусалим, Израиль. Род. в Москве. Уехала из России в 70-х гг. Сборники стихов: "Путешествие", 1971; "Прилетай воробушек", 1974; "Два портрета", 1977; "Веселые стихи", 1978; "Снег в Иерусалиме", 1980; "Зарифую два имени наших" (на иврите), 1981; "Отсутствие осени", 1985; "Gedichte" (на немецком), 1986; "Ветка яблони", ветка сирени" (на арабском), 1986; "Первый дом... последний дом", 1991.

ЛЕГКАЯ, Ираида Ивановна, Нью-Йорк, США. Род. в 1932 г. в Тартаке, Латвия. С 1936 по 1944 жила в Риге. В 1949 г. эмигрировала из Германии в США. Сборник стихов — "Попутный ветер", 1968.

ЛИБЕРМАН, Анатолий Симонович, Миннеаполис, США. Поэт, филолог, литературовед, переводчик Шекспира, Лермонтова, Тютчева, исландских поэтов... Род. в Ленинграде. На Западе с 1970-х гг.

ЛЮБИН, Евгений Михайлович, Ист Гановер, США. Поэт, прозаик. Род. в 1934 г. в Ленинграде. Уехал из России в 1978 г. Сборник стихов — "Древо жизни", 1984.

МАМОНОВА, Татьяна Валентиновна. Нью-Йорк, США. Поэт, прозаик, живописец, график. Организатор неофициального женского движения в СССР. На Западе с 1980 г. Печатается в американских и других западных периодических изданиях. Участвует во многих художественных выставках.

ОДИНОКОВ, Владимир Васильевич. Оксфорд, США. Живописец, художник-декоратор. Род. в Москве. На Западе с 40-х гг. Член Союза Американских Художников Театра. Многолетний стаж работы в оперном театре "Метрополитен".

ПЕРЕЛЕШИН, Валерий Францевич (см. стр. 5)

ПЕРЧИКОВ, Александр Анатольевич. Иерусалим, Израиль. Род. в 1955 г. в Самаре (б. Куйбышев). В Израиле с 1990 г. Сборник стихов: "Неосторожная звезда", 1987.

РАТНИКОВА, Лариса Леонидовна. Филадельфия, США. График, художник по костюмам театра и кино, педагог. Род. в 1945 г. в Москве. На Западе с 1987 г.

РЯЗАНОВСКИЙ, Александр Валентинович. Филадельфия, США. Поэт, профессор-историк. Род. в 1928 г. в Харбине, Маньчжурия. Сборники стихов: "20/20", 1987; "Строчки с того берега", 1992.

СИНКЕВИЧ, Валентина Алексеевна. Филадельфия, США. Поэт, эссеист. Род. в 1926 г. в Киеве. На Западе с 1942 г. Сборники стихов: "Огни", 1973; "Наступление дня", 1978; "Цветень трав", 1985; "Здесь я живу", 1988.

СОЛОЖЕВ, Даниил Андреевич, Париж, Франция. Художник, иллюстратор, поэт. Род. в 1908 г. в С.-Петербурге. Уехал из России в 1920 г. Сборники стихов: "Избранное", 1973; "Капли воды" (на французском языке), 1974.

ТЕМКИНА, Марина Залмановна, Нью-Йорк, США. Род. в 1948 г. в Ленинграде. На Западе с 1978 г. Сбраник стихов — "Части часть", 1985.

УРИН, Виктор Аркадьевич. Нью-Йорк, США. Род. в 1924 г. в Харькове. В эмиграции с 1977 г. Сборники стихов (неполный перечень): "Весна победы", 1948; "К счастью", 1949; "Большая медведица", 1958; "Избранная лирика", 1969; "Паспорт", 1969; "Избранная лирика", 1972; Трилогия "Жизнь поэта" ("Вчера", 1979, "Сегодня", 1980, "Завтра", 1981); "Портреты", 1982; "Надолбы", 1985; "Избранное — 1938-1988"; Собрание сочинений в семи томах (т. 3, 1988-1990, "Табор любви", т. 4, 1991).

ХРОМЧЕНКО, Яков Борисович, Натания, Израиль. Поэт, прозаик. Род. в 1924 г. Уехал из России в 1973 г. Публикуется в зарубежных периодических изданиях.

ЧЕРКАССКИЙ, Михаил Ефимович. Филадельфия, США. Баснописец. Род. в 1924 г. в Одессе. На Западе с 1979 г. Публикуется в зарубежных периодических изданиях.

ШАТАЛОВ, Владимир Михайлович. Филадельфия, США. Художник, поэт. Род. в 1917 г. в Белгороде. На Западе с 40-х гг. Член Американской Национальной Академии Художеств, Американского Общества Акварелистов и др. Участник американских национальных выставок.

ШЛИППЕ, Алексей Федорович, живописец, педагог. Род. в 1915 г. в имении Бекасово (под Москвой). В 1919 г. уехал с родителями в Германию. Умер в 1988 г. в Ридерау (под Мюнхеном). Художественное образование А. Шлиппе получил в Берлине и в Риме. С 1955 г. по 1963 г. преподавал в Норвичской Свободной Академии, затем в Коннектикутском университете. Участник многочисленных выставок в Европе и в США.

